

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Кафедра методики преподавания русского языка и литературы

Выпускная квалификационная работа

**ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ
В КОМИ-ПЕРМЯЦКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ**

Работу выполнила:
студентка 256 группы
направления подготовки
44.03.05 «Педагогическое
образование», профили «Родной
язык и литература», «Русский
язык»
Чудинова Алёна Владимировна

(подпись)

«Допущена к защите в ГЭК»

Зав. кафедрой

(подпись)

« ____ » _____ 2017 г.

Руководитель:
ассистент кафедры методики
преподавания русского языка
и литературы
Гордеева Елена Михайловна

(подпись)

ПЕРМЬ
2017

АННОТАЦИЯ

Данная работа посвящена изучению женских образов в коми-пермяцких волшебных сказках. Исследовательское внимание фокусируется на анализе функций и роли концептуально значимых героев произведений. Отмечается, что образ невесты раскрывается в выполнении ею особых функций: задавание трудных задач, клеймение, обличение, узнавание, наказание второго вредителя, свадьба. Выявляются особенности поведения падчерицы и сироты. Указывается, что старухи являются эпизодическими героями, превращаются в «маленьких людей» или оказываются героями, наделенными магией. Подчеркивается, что мачеха в сказке выполняет роль антагониста.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА ПЕРВАЯ. ТИПОЛОГИЯ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКЕ.....	11
1.1. Классификации женских персонажей волшебной сказки.....	11
1.2. Роль и функции женских образов в волшебной сказке.....	17
ГЛАВА ВТОРАЯ. «ПРЕКРАСНЫЕ И ПРЕМУДРЫЕ» В КОМИ- ПЕРМЯЦКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ.....	20
2.1. Образ Красной девицы.....	20
2.2. Образ Марии-царевны.....	31
2.3. Образ Марфиды Прекрасной.....	32
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ДЕТСКИЕ ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В КОМИ- ПЕРМЯЦКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ.....	34
3.1. Образ девочки-сироты в волшебных сказках.....	34
3.2. Образ падчерицы в волшебных сказках.....	41
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. «НИЗКИЕ ГЕРОИ» КОМИ-ПЕРМЯЦКОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ.....	50
4.1. Образ старухи в волшебных сказках.....	50
4.2. Образ мачехи в волшебных сказках.....	55
Методические рекомендации по использованию материалов.....	58
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	62
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	68

ВВЕДЕНИЕ

В коми-пермяцкой фольклористике еще многие вопросы остаются малоисследованными или не изученными вовсе. К их числу относятся и сказки. Впервые сказка на коми-пермяцком языке была напечатана Н.А. Роговым в 1860 г. в «Опыте грамматики пермяцкого языка». Данную сказку, как и другие фольклорные жанры, автор работы поместил в «Приложении» в качестве языкового материала. Опубликованная сказка не имела названия, Н.А. Рогов обозначил лишь жанр выбранного им для печати произведения. Заметим, что сказка была представлена как на коми-пермяцком, так и на русском языке («Висьтавѳм (каска)» – коми-пермяцкое название, «Сказка» – русский вариант названия). По классификации В.Я. Проппа она принадлежит к сказкам о животных.

Систематическое собирание коми-пермяцких сказок началось в XX веке. В первой половине прошлого столетия большой вклад в собирании и публикации сказок внес А.Н. Зубов, основоположник коми-пермяцкой литературы, фольклорист. Собранный фольклорный материал впоследствии стал источником тем, образов, сюжетов для его художественных произведений. В 1935 г. он издает первый сборник сказок «Сказкиэз» (Сказки). В книгу вошло 8 текстов, из них 7 волшебных сказок. Это была первая публикация данного жанра. Следует заметить, что 5 сказок из сборника А.Н. Зубова были опубликованы еще в 1938 г. в книге «Фольклор народа коми». Указанное издание было подготовлено совместно с коми-зырянскими собирателями устного народного творчества.

Позднее собиранием сказок начали заниматься учителя школ и педагоги Коми-Пермяцкого округа. Так, А.М. Спорова, З.В. Распопова, И.И. Лунегов в 1947 г. издают сборник «Сказкаэз» (Сказки). В предисловии авторы отмечают, что «в этом сборнике напечатаны сказки, которые раньше были опубликованы, но которые сейчас найти уже невозможно, а также добавлены сказки, которые были собраны в 1943 г. в Кочевском и Косинском

районах» [Спорова, Распопова, Лунегов 1947: 2]. По мнению составителей, некоторые сказки были заимствованы из русского фольклора. По своему содержанию в данном сборнике присутствуют все три вида сказок: волшебные, бытовые и о животных. Волшебные сказки составляют большую часть книги.

В 1948 г. в свет вышел еще один сборник «Коми-пермяцкий фольклор (дореволюционный и советский)», составленный Т.В. Сторожевым. Автор во введении подчеркивает, что в указанную книгу опубликованы произведения, бытующие на русском языке в Коми-Пермяцком округе. В нем зафиксировано 4 сказки, из них 3 волшебные. Кроме сказок в сборник вошли песни, пословицы, поговорки, загадки, частушки. По этому поводу во вступительной статье Т.В. Сторожев справедливо замечает, что «коми-пермяцкий фольклор еще не собран и не записан полностью, и нет еще возможности издавать фольклорный материал отдельными сборниками, куда входили бы произведения одного жанра, а публиковать в целях популяризации необходимо» [Сторожев 1947: 2].

Во второй половине XX века собиранием и публикацией сказок занимались М.Н. Ожегова и В.В. Климов. В.В. Климов в разные годы издает такие фольклорные сборники, как «Коми-пермяцкӧй народнӧй устнӧй поэтичeskӧй творчествӧ» («Коми-пермяцкое народное устное поэтическое творчество», 1960), «Оласӧ да вӧласӧ» («Жили-были», 1990), «Кытчӧ тӧйӧ мунатӧ» («Куда вы уходите», 1991), «Золотӧй чикиссез» («Золотые косы», 1993). В данные издания вошли не только сказки, но и другие жанры. В каждом сборнике вновь записанные сказки паспортизированы, в перепечатанных указывается источник заимствования.

Примечательно, что сам фольклорист перевел некоторые сказки на русский язык, и опубликовал их в книге «Заветный клад», которая вышла в свет в 1997 г. четырехтысячным тиражом. Сборник был переиздан в 2007 г. Издание пользуется огромным интересом, так как служит читателю

своеобразной энциклопедией прошлой жизни народа. Этот сборник по своей структуре и форме не совсем обычен, не традиционен. В него вошли произведения разных фольклорных жанров – сказки, легенды, предания, былички, пословицы и поговорки, загадки и приметы, а также лирические песни, прибаутки и детский фольклор. Это продиктовано стремлением издательства и составителя как можно полнее познакомить русского читателя с разнообразием устно-поэтического творчества коми-пермяков. Весь материал для перевода на русский язык взят из книг: «Оласö да вöласö», «Кытчö тійö мунатö?».

На двух языках вышла книга «Золотой чикиссез» («Золотые косы», 1993). Собирателем сказок оказалась учительница Юсьвинского района – Т.И. Гордеева. Однако публиковать их она не стала. Вместо этого написала письмо в редакцию газеты «По ленинскому пути»: «Уважаемые работники редакции! Я записала несколько сказок. Коли живу я среди коми-пермяков, то и сказки пермяцкие. Записала на русском языке, на коми-пермяцком не отважилась пока. Вот бы их в дело пустить! (Может быть, книжечку сделать). Не найдете ли такого человека, который согласится обработать и перевести мои сказки на коми-пермяцкий язык? Их у меня около двадцати...» [Цит. по: Климову 1993: 2]. Как видим, сказки были переведены и изданы В.В. Климовым. Однако стоит заметить, что из 20 произведений 14 оказались сказками, а 6 преданиями.

Примечательно, что В.В. Климовым также были опубликованы три сборника сказок, предназначенные детям: «Ошпель» («Медвежье ухо», 1965), «Сизимок» («Семилетка», 1965), «Юкмöсын тэсь» («Толокно в проруби», 1976).

Не менее известным сборником сказок является «Шонді да тöлісь» («Солнце и месяц», 1989), составленный М.Н. Ожеговой. В свет он вышел на двух языках (коми-пермяцком и русском). В издание вошло 24 сказки, из них волшебных – 10.

Не смотря на то, что публикация сказок началась еще в XIX веке, ее изучение ни разу не было предметом специального исследования. Попытку первого анализа сказок предприняла М.Н. Ожегова. В ее монографии «Устно-поэтическое творчество коми-пермяцкого народа», опубликованной в 1961 г., описанию данного жанра посвящена отдельная глава. Исследовательница дает характеристику каждой группе сказок: волшебным, социально-бытовым, о животных. Нас в большей степени интересуют волшебные сказки. М.Н. Ожегова рассматривает их поэтику, в частности, называет помощников, отмечает чудесные предметы, выделяет формульную часть сказок, выявляет специфику некоторых сюжетов. Исследовательница особое внимание уделяет мужским персонажам сказки, прежде всего, Ивану-царевичу. Из женских образов называет Красную девицу, Марию-царевну, лебедь-девушку. Подробная характеристика персонажей отсутствует. Как видим, сказка до сих пор остается малоисследованным жанром коми-пермяцкого фольклора. Некоторые ее проблемы так и не становились предметом специального изучения. Таким образом, давно возникла потребность в детальном анализе волшебной сказки. **Актуальность** данной работы обуславливается, с одной стороны, неугасающим интересом к собиранию и публикации сказок, с другой стороны, отсутствием работ, посвященных анализу системе образов-персонажей волшебной сказки, в том числе и женских образов.

Материалом исследования являются фольклорные сборники А.М. Споровой, З.В. Распоповой, И.И. Лунегова («Сказкаэз»), Т.В. Сторожева («Коми-пермяцкий фольклор (дореволюционный и советский)»), В.В. Климова («Коми-пермяцкӧй народнӧй устнӧй поэтичeskӧй творчествӧ», «Оласӧ да вӧласӧ», «Кытчӧ тӧйӧ мунатӧ», «Зарниа чикиссез»). М.Н. Ожеговой («Шонді да тӧлісь»).

Объектом изучения являются коми-пермяцкие волшебные сказки.

Предметом исследования становятся женские образы в коми-пермяцких волшебных сказках.

Цель работы – проанализировать систему женских образов-персонажей в коми-пермяцких волшебных сказках.

Реализация поставленной цели предполагает решение **следующих задач:**

1. изучить научную литературу по классификациям и функциям женских персонажей в фольклористике;
2. рассмотреть образы «прекрасных и премудрых» в коми-пермяцких волшебных сказках;
3. описать поведенческие характеристики детских женских образов в коми-пермяцких волшебных сказках;
4. исследовать «низких героев» в коми-пермяцких волшебных сказках.

Цель и задачи работы определили основные **методы:** в исследовании применяется *структурно-семантический* метод (главным образом работы В.Я. Проппа «Морфология волшебной сказки», «Исторические корни волшебной сказки», а также монография Е.М. Мелетинского «Герой волшебной сказки»), *сравнительно-типологический* метод (работа Б.Н. Путилова «Методологические вопросы сравнительно-исторического изучения фольклора»).

Теоретической базой исследования стали труды по проблеме сказочного героя (В.П. Аникин, Т.В. Зуева, Е.С. Новик), по жанру волшебной сказки (Э.В. Померанцева, А.Н. Афанасьев). В научном осмыслении коми-пермяцкой волшебной сказки мы также опирались на монографию М.Н. Ожеговой.

Научная новизна работы заключается в том, что женские образы коми-пермяцкой волшебной сказки впервые становятся предметом специального изучения.

Теоретическая значимость работы состоит в расширении и углублении имеющихся научных представлений о коми-пермяцкой фольклористике, о коми-пермяцкой волшебной сказке, о системе героев коми-пермяцкой волшебной сказки, о женских образах коми-пермяцкой волшебной сказки.

Практическая значимость работы обусловлена тем, что ее материалы и выводы могут быть использованы в вузовских курсах устного народного творчества, в спецкурсах, посвященных коми-пермяцким сказкам, а также на уроках родной литературы в национальных школах при изучении коми-пермяцкого фольклора.

Структура работы определяется поставленной целью и задачами исследования. Данная работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы. Во введении обосновывается актуальность работы, формулируются цель и задачи исследования, указываются объект и предмет научного изучения, определяется материал, раскрываются теоретическая и практическая значимость, новизна работы. В первой главе представлен аналитический обзор научной литературы по теме исследования, рассматриваются работы, посвященные классификациям и функциям женских персонажей в отечественной фольклористике. На основе изученных классификаций нами предлагается своя классификация женских образов коми-пермяцкой волшебной сказки. Во второй главе анализируются образы «прекрасных и премудрых» в коми-пермяцких сказках. Подчеркивается, что одной из постоянных характеристик героини становится ее имя, которое, прежде всего, указывает на девичью красоту: Красной девица, Мича ныв, Басок ныв, Марфида Прекрасной. Отмечается, что характер героини раскрывается в действии, в выполнении ею особой роли (невесты) и функций «задание трудных задач, клеймение, обличение, узнавание, наказание второго вредителя, свадьба». Третья глава посвящена изучению детских женских образов коми-пермяцкой волшебной сказки. Исследовательское

внимание фокусируется на поведенческих характеристиках падчерицы и сироты, их нравственных качествах и портрете. В четвертой главе рассматриваются «низкие герои» волшебной сказки. Отмечается, что старухи являются эпизодическими героями, превращаются в «маленьких людей» или оказываются героями, наделенными магией. Указывается, что мачеха в сказке выполняет роль антагониста.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ТИПОЛОГИЯ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКЕ

Первая глава посвящена анализу типологии женских образов в отечественной фольклористике. В первом параграфе дается обзор научных представлений об основных классификациях героев волшебной сказки. Во втором параграфе исследуются роль и функции женских образов в волшебной сказке.

1.1. Классификации женских персонажей волшебной сказки

Попытки разработать классификацию женских персонажей были предприняты еще в XIX веке. В XX веке данный вопрос все еще вызывает большой интерес.

Подробную характеристику героев предложил В.Я. Пропп еще в начале XX столетия в монографии «Морфология волшебной сказки». Исследователь выявил в волшебной сказке семь основных действующих лиц: вредитель (вредит герою, его семье, борется с ним, преследует его), даритель (передает герою волшебное средство), помощник (перемещает героя, помогает в борьбе с вредителем), царица (искомый персонаж), отправитель (отсылает героя), герой, ложный герой [Пропп 2001: 34].

Общую характеристику образов сказки предложил Е.М. Мелетинский в монографии «Герой волшебной сказки», опубликованной в 1958 г. В нем автор описывает образы и сюжеты таких героев, как мачеха, падчерица, младший сын или младшая дочь, образы бедного сиротки [Мелетинский 1958: 7]. Еще в одной его работе «О литературных архетипах» (1994) сделано обобщение по типам героев: «Волшебная сказка знает два типа героя: относительно активный, отдаленно напоминающий эпического и собственно сказочный, пассивный» [Мелетинский 1994: 27].

В 1963 г. увидела свет книга Э.В. Померанцевой «Русская народная сказка». Автор работы классификацию, как таковую, не предлагает, однако дает анализ некоторых женских образов: Елены Прекрасной, Василисы Премудрой, Марьи-Моревны, сестрицы Аленушки.

Следующие упоминания о женских образах в волшебной сказке можно найти в монографии В.П. Аникина «Русская народная сказка», изданной в 1977 г. Фольклорист акцентирует внимание на таких героях, как Марья-царевна, Василиса Премудрая, Красная девица, Марья-Моревна, Мачеха. Исследователь детально описывает их поведение, анализирует этимологию имен.

Вопросом анализа женских образов в сказках также занимался А.Н. Афанасьев. В 1986 г. у него выходит труд под названием «Народ-художник». Автор работы отмечает златокудрых героев, связанных с образом солнца: «...колебания в древнейших представлениях Солнца то юношею, то девою, и в сказках оно является, то как златовласый царевич, то как царевна – золотая коса, непокрытая краса или Ненаглядная красота. Царевна Ненаглядная красота живет в золотом царстве – там, где восходит ясное солнышко; она совершенно тождественна с Василисой-царевной, которая обитает там, где солнце из моря подымается, и, плавая по морю в серебряной лодочке, гребет золотым веслом» [Афанасьев 1986: 151].

К классификации женских образов обращаются и современные исследователи. В статье «Образ женщины в русских сказках» (2004). А.С. Кочарян и Е.В. Фролова приходят к следующему выводу: «Проделанный анализ женских образов в русских сказках показал, что можно выделить несколько базовых образов женщины: образ "сильной" женщины существует в трех вариантах: женщина-богатырша или Баба-Яга (материнская фигура), женщина как равнозначный партнер, изначально находящаяся в животном облике, "злая мачеха" – антигероиня, властная и подавляющая, злая мать»; «прекрасная» женщина как главный приз; "девочка-сирота" – образ

непроявленной женской природы; "старуха" – опустошенная женщина, зависящая от внешней силы; женские образы, олицетворяющие силы природы – холодные, безэмоциональные и зачастую губительные для человека» [Кочарян, Фролова 2004].

Еще в одной статье «Особенности женских образов в русской народной сказке» (2009), написанной Л. Болотовой, представлена такая классификация: «богатырши-воительницы», «мудрые девы», «сироты» или «падчерицы» [Болотова 2009].

Попытаемся представить обзор существующих на данный момент наиболее популярных классификаций женских образов. Кроме того, выделим отдельных героев, получивших отклики в работах фольклористов.

Женские образы в волшебных сказках	
В.Я. Пропп	<ol style="list-style-type: none"> 1. Вредитель; 2. Даритель; 3. Помощник; 4. Царица; 5. Отправитель; 6. Герой; 7. Ложный герой.
Е.М. Мелетинский	<ol style="list-style-type: none"> 1. Низкие герои: <ol style="list-style-type: none"> а) мачеха (мачеха-вдова, мачеха-ведьма); б) старуха (старик); 2. Детские образы: <ol style="list-style-type: none"> а) сироты (Крошечка-Хаврошечка, сестрица Аленушка); б) падчерицы;

	3. Младший сын или младшая дочь.
В.П. Аникин	1. Женщина-богатырша: Марья-Моревна, Марья царевна, Марья-искусница; 2. Прекрасная девица: Елена Прекрасная, Василиса Прекрасная; 3. Мачеха.
Е.С. Новик	1. Демоническое существо (крылатая волшебница, упырь, ведьма, чертовка); 2. Мудрая волшебница; 3. Девушка-лебедь.
А.С. Кочарян, Е.В. Флорова	1. Образ «сильной» женщины: а) женщина-богатырша; б) злая мачеха; в) злая мать; 2. девочка-сирота; 3. старуха; 4. женские образы, олицетворяющие силы природы: а) русалки; б) хозяйка медной горы; в) снегурочка.
Л.Ю. Болотова	1.«Богатырши-воительницы»; 2.«мудрые девы»; 3. «сироты» или «падчерицы».
М.Н. Ожегова	Красная девица, Марья-царевна, лебедь-девушка.

Н.М. Ведерникова	Чудесная невеста.
А.Н. Афанасьев	Златокудрая царевна.

Более подробную классификацию предлагают Е.М. Мелетинский, В.Я. Пропп, В.П. Аникин, Е.С. Новик. В основе классификации Е.М. Мелетинского и В.П. Аникина лежит социальный и индивидуальный статус героев. Е.С. Новик считает, что важным при классификации женских персонажей, прежде всего невесты, оказывается изучение ее индивидуального статуса. Под индивидуальным статусом понимаются специфические черты героини: либо она помогает добру-молодцу, либо устраивает для него разные препятствия, либо ждет освобождения. Наиболее популярной является классификация В.Я. Проппа, предложенная для анализа всех героев. В его классификации речь идет об описании персонажей волшебной сказки в виде «пучков функций», выделении среди этих признаков «величин постоянных и величин переменных», а также правил их комбинирования. В связи с тем, что функции заданы с точки зрения героя, то есть в зависимости от его социальной роли, а семантические признаки могут быть соотнесены с любым объектом, по мнению В.Я. Проппа, представляется целесообразным с помощью этого, специфического для волшебной сказки, набора смысловых противопоставлений, описать персонаж, как комбинацию этих семантических признаков. Для нас не менее значимым представляется и мысль В.Я. Проппа о том, что в сказке имеется постоянный набор ролей: роль невесты, роль детей, роль мачехи. Таким образом, при создании классификации женских образов в коми-пермяцких волшебных сказках мы учитывали социальный и индивидуальный статус героев и их функции. Роль и функция не взаимоисключают друг друга, а наоборот, помогают лучше охарактеризовать того или иного персонажа.

При изучении героев художественных произведений возникает проблема в употреблении терминов тип героя и характер. В фольклорных

произведениях такая проблема отсутствует, в них действуют образы-типы. По этому поводу справедливо замечено, что «в фольклоре нет психологически сложных характеров – мы имеем дело с типами», которые «действуют в условных жизненных обстоятельствах – не столько реальных, сколько символических» [Ленц 1999: 12]. Для фольклора не актуальна многоплановость художественного воплощения: «Герои сказки – внутренне статичные образы-типы – целиком и полностью зависят от своей сюжетной роли, раскрываются в действии» [Зуева, Кирдан 1998: 218]. Поэтому герой волшебной сказки – это образ-персонаж, «обладающий специфической социовозрастной характеристикой, вследствие чего располагающий ограниченным спектром функций, свойственных сказочному герою; имеющий типологические разновидности в соответствии, с конкретным содержанием сюжетов; характеризующийся ритуальностью поведения и внешней детализацией, обусловленными происхождением, тендерной идентификацией, сословным и имущественным положением» [Ледовская 2008: 205].

Итак, в коми-пермяцкой волшебной сказке можно выделить следующие типы героев: невесты (Красная девица, Марфида Прекрасная, Мария-царевна), дети (подростки, сироты), старухи (мачеха). Классификация женских образов коми-пермяцкой волшебной сказки может выглядеть следующим образом:

- 1) «Прекрасные и премудрые» (Красная девица, Марфида Прекрасная, Мария-царевна);
- 2) Детские женские образы (роль сироты, роль падчерицы);
- 3) «Низкие герои» (роль мачехи, роль старухи).

1.2. Роль и функции женских образов в волшебной сказке

Оформить представления о роли и функциях героев в сказке нам помогут работы В.Я. Проппа «Морфология волшебной сказки» и «Исторические корни волшебной сказки».

По справедливому замечанию фольклориста, при изучении роли царевны в волшебной сказке следует учитывать несколько моментов: во-первых, «царевна не может быть изучена без ее отца, момент брака не может быть изучен вне момента воцарения героя» [Пропп 1986: 298]; во-вторых, «царевна и ее отец не могут быть разграничены по функциям вполне точно. Отцу чаще всего приписывается задавание трудных задач, как действие, вытекающее из враждебного отношения к жениху. Он же нередко наказывает или велит наказать ложного героя» [Пропп 1986: 298]; в-третьих, «царевна, ее отец и жених могут образовывать различные "треугольники сил"» [Пропп 1986: 298]. Исследователь волшебной сказки выделяет «круг действий царевны (искомого персонажа) и ее отца». К ним относятся: «задавание трудных задач, клеймение, обличение, узнавание, наказание второго вредителя, свадьба» [Пропп 1986: 298]. Раскроем смысл некоторых из них.

Под «трудными задачами» ученый понимает «такие задачи, которые стоят в связи со сватовством, а не с передачей волшебного средства» [Пропп: 1986: 303]. К трудным задачам В.Я. Пропп относит всенародный клич, задачи в ответ на сватовство, задачи бежавшей и вновь найденной царевны, задачи царевны, похищенной ложными героями и т.д.

Следующая интересная функция – клеймение. По мнению исследователя, клеймение происходит в том случае, когда «на героя налагается некая отметка, некое клеймо, причем клеймо это может быть кровавым, с помощью которого герой узнается по рубцу. Иногда этот мотив подвергается деформации». Обнаруживаются и другие способы «отметки» героя, к примеру, отрезание пряди волос, слеза, упавшая на героя,

подаренное кольцо и т.д. Клеймение всегда связано с последующим узнаванием доброго молодца [Пропп 1986: 238]. Обличение и узнавание происходят одновременно: ложный герой или антагонист изобличается и наказывается. В.Я. Пропп замечает, что «наказание ложного героя в тексте сказки следует после женитьбы положительного героя» [Пропп 1986: 52].

При анализе сирот можно ориентироваться на следующие действия героя, выделенные В.Я. Проппом:

1. Один из членов семьи отлучается из дома. Усиленную форму отлучки представляет собой смерть родителей. Иногда отлучаются лица младшего поколения. [Пропп 2001: 27].

2. К герою обращаются с запретом. «Береги братца, не ходи со двора» [Пропп 2001: 27].

3. В распоряжение героя попадает волшебное средство. Волшебными средствами могут служить: животные, предметы, имеющие волшебное свойство, качества, даруемые непосредственно, как, например, сила, способность превращаться в животных и т.д. [Пропп 2001: 42].

4. Герой и антагонист вступают в непосредственную борьбу. «Герой при помощи хитрости одерживает победу» [Пропп 2001: 49].

5. Антагонист «побеждается при состязании» [Пропп 2001: 50].

6. Герой возвращается: «Возвращение обычно совершается в тех же формах, что и прибытие» [Пропп 2001: 52].

Для падчериц по В.Я. Проппу подходят такие функции, как

1. Герой покидает дом: «Изгнанный герой увозится из дома. Отец увозит изгнанную мачехой дочь в лес» [Пропп 2001: 37].

2. Герой реагирует на действия будущего дарителя: «Герой отвечает на приветствие» [Пропп 2001: 41].

3. Герой возвращается домой: «Возвращение обычно совершается в тех же формах, что и прибытие» [Пропп 2001: 52].

При изучении мачехи следует обратить внимание на определенные действия:

1. Антагонисту даются сведения о жертве: «Антагонист получает непосредственно ответ на свой вопрос. Нередко они даны и в форме диалога. Сюда относится, между прочим, и диалог мачехи с зеркальцем» [Пропп 2001: 29].

2. Антагонист пытается обмануть свою жертву: «Мачеха дает пасынку отравленные лепешки» [Пропп 2001: 30].

3. Антагонист наносит одному из членов семьи вред или ущерб: «Мачеха усыпляет пасынка» [Пропп 2001: 32].

4. Героя отсылают из дома (Изгнанный герой увозится из дома): «Мачеха изгоняет падчерицу в лес» [Пропп 2001: 32].

5. Враг наказывается: «Он расстреливается, изгоняется, привязывается к хвосту лошади» [Пропп 2001: 59].

Итак, каждому герою присущи определенные функции (роли) в волшебной сказке. Выделенные функции легко могут перегруппировываться, даже отсутствовать. «Полифункциональность действующих в сказках фигур объясняется отчасти тем, что каждый персонаж наделен несколькими признаками, каждый из которых соотносим как с системой действий, так и с системой состояний персонажа, с его статусом (семейным, сословным, личностным)» [Новик 1975: 3].

Анализ функций В.Я. Проппа поможет нам в дальнейшем выявить характерные черты коми-пермяцких женских персонажей.

ГЛАВА ВТОРАЯ. «ПРЕКРАСНЫЕ И ПРЕМУДРЫЕ» В КОМИ-ПЕРМЯЦКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ

Вторая глава посвящена анализу образов «прекрасных и премудрых» в коми-пермяцких волшебных сказках. Дательному изучению подвергаются образы Красной девицы, Марфиды Прекрасной, Марии-царевны. Анализируется специфика имени данных героев, а также их основные функции.

2.1. Образ Красной девицы

Одной из героинь коми-пермяцкой волшебной сказки является Красная девица. Как известно, «красная девица – это общефольклорный оборот, в котором лексема "красный" совмещает в себе как первоначальное свое значение (хороша, красива), так и другое значение (красная, т.е. румяная в лице, а значит здоровая и красивая)» [Девицкая 2013]. По общему мнению фольклористов, «в эпитете "красный" проступает древний народный "стандарт" красоты, согласно которому образцово красивой считалась девическая белизна и румянец на лице» [Девицкая 2013]. Учеными подчеркивается, что «эпитет "красная", помимо значения "красивая", "прекрасная", в данном сочетании включает еще ряд смыслов, связанных с понятиями добра, высоких нравственных качеств, совершенства» [Российский гуманитарный энциклопедический словарь 2002]. Этими и другими особенностями также обладают и коми-пермяцкие героини, относящиеся к данному типу.

Заметим, что в волшебных сказках на коми-пермяцком языке сказители кроме имени Красной девицы применяют и другие имена, к примеру, Мича ныв, Басок ныв, что в переводе с коми-пермяцкого означает «красивая девушка». Как видим, в коми-пермяцких именах также подчеркивается

изумительная красота указанной героини, присущая только ей. Какими чертами обладает данная героиня еще в коми-пермяцких волшебных сказках, нам предстоит выяснить. Красная девица встречается в таких сказках, как «Иван царевич да Красной девица» (Иван царевич и Красная девица), «Шыр да кеня» (Мышь и ронжа), «Рытко, Ойко да Асырко» (Зорька Вечерка и Полуночка), «Царь Адмон, сылӧн зон да орёл – золотой борд» (Царь Адмон, его сын Иван и Орел Золотое Крыло), «Гона да Омека» (Гона и Омека), «Иванушка» (Иванушка) и др. Некоторые из них рассмотрим более детально.

В отмеченных сказках отсутствует детальная портретная характеристика героинь, кроме упоминания о том, что они наделены красотой, тем самым подтверждается их принадлежность к данному типу. Так, в сказке «Рытко, Ойко да Асырко» царевны сравниваются с солнцем и цветами, и оказываются гораздо красивее их: «петасӧ ӧтӧрӧ – шондыс бледжык лоӧ, цветтэс рӧмнысӧ ӧштӧны – царевназлӧн чужӧммежныс вевтӧны нийӧ асланыс красотаӧн» (Выйдут на улицу – солнце бледнее становится, цветы теряют свой блеск – лица у царевн покрывают их своей красотой) [Климов 1960: 39]. В сказке «Шыр да кеня» в описании девушки подчеркивается ее румянец: «том нылӧй, рӧма, алӧй цвет» (молодая девушка, красивая, как алый цвет) [Климов 1960: 86]. В сказках «Иванушка», «Иван Царевич да Красной девица» царевна характеризуется лишь с помощью эпитета «мича». Однако указанный эпитет имеет большое смысловое наполнение, уже рассмотренное нами выше. Еще в одной сказке «Гона да Омека» используется синоним слова «мича» – «басӧк»: «басӧк и басӧк ныв» (красивая и красивая девушка) [Климов 1960: 137]. В другой сказке «Камской Иван» подчеркивается не только внешняя красота, но и прекрасный голос девушки: «басӧк нывка сы дынӧ сибӧгчас да малиновӧй голосӧн горӧгчас» (красивая девушка к нему приблизится да малиновым голосом молвит) [Климов 1960: 47]. Следует заметить, что образ Красной девицы отличается широким обобщением. Красная девица определяется,

прежде всего, тем, что она – тип героини (а не характер), которая несет в себе какое-то важное качество, определяющее ее образ. В указанных сказках таким качеством является красота: с одной стороны, передающаяся с помощью эпитетов; с другой стороны, повторяющееся из одной сказки в другую имя. Портрет и имя характеризуют героиню внешне. Однако их устойчивость вполне может сочетаться с присущим им внешним динамизмом.

Известно, что сказочные герои раскрываются в действии, и чаще всего оно становится главным приемом их изображения. Поэтому героини, как справедливо отмечал В.Я. Пропп, зависят от той роли (функции), которую несут в сказке. Рассмотрим функции Красной девицы более подробно.

Так, в сказке «Рытко, Ойко да Асывко» поднялся ветер и унес трех царевн в неизвестном направлении. В данной сказке реализуется задача «всенародный клич». Царь и царица обеспокоены похищением своих дочерей и просят помочь найти их. Спасителям, как и полагается в волшебной сказке, обещано полцарства и женитьба на царевнах. По мнению В.Я. Проппа, «здесь мы имеем сперва задачу, а потом сватовство, состоящее в попытке решить эту задачу» [Пропп 1986: 304]. На предложенную задачу откликаются три брата – Рытко, Ойко да Асывко. В данной сказке ход событий меняется не раз. Трудная задача ставится не только родителями, но и самими невестами («задача в ответ на сватовство»). После их спасения в город вернулись только два брата, Асывко, спасая царевн, вынужден был остаться в подземном царстве. Царица своим будущим мужья ставит новую задачу – сшить такую одежду, какую они носили в царстве Змея; построить такие дома, в каких они жили в царстве Змея. Данная задача В.Я. Проппом определяется как «задача в ответ на сватовство».

В рассмотренной сказке также имеется мотив клеймения героя. Данный мотив предполагает, что на героя «налагается некая отметка, некое клеймо». Как замечает В.Я. Пропп, клеймение необходимо для последующего

узнавания героя. Трех царевн освобождает младший из братьев Асывко. В знак благодарности царевны отдают ему свои золотые кольца. В финале сказки именно Асывко выполняет задачи, поставленные самими царевнами. Они узнают его по тем кольцам, которые он предлагает им при замужестве.

В финале сказки происходит обличение и наказание вредителя. Керӧспыкӧта, выдававшего себя за Асывко, помешавшего ему выбраться из царства Змея, сажают за решетку. Трех царевн родители выдают замуж за Рытко, Ойко и Асывко.

В сказке «Царь Адмон, сылӧн зон да орел – золотӧй борд» царевна ставит «задачу в ответ на сватовство»: «кола кӧ ме тӧныт – вермы сӧйӧ» (если я нужна тебе – нужно его победить) [Климов 1960: 57]. Героиня предлагает решить данную задачу Ивану не только для того, чтобы проверить его силу, но и для того, чтобы освободиться от злодея, который держит ее насильно. Испытание жениха предполагает проверить его силу. Как известно, в волшебной сказке под силой «подразумевается не физическая сила, а сила иного рода». Чаще всего испытывается та сила, которая условно называется «магической и которая воплощена в помощнике» [Пропп 1986: 305]. Набраться физической силы для борьбы с вредителем помогает волшебный предмет – железная палка. С помощью железной палки Иван вызывает к себе солдат и дает им задание найти с пятью силами траву. Старик Громин признал свое поражение и согласился отпустить царевну. Однако перед тем как выйти в путь, предложил Ивану отдохнуть, но не больше часа. В данном эпизоде интерес представляет клеймение героя «условно» слезой, а затем и кольцом. Иван заснул крепким сном. Царевна пытается разбудить его. Она громко заплакала, слеза попала в глаза Ивану. От слезы герой просыпается. По мнению В.Я. Проппа, в этом случае «значение слезы – разбудить героя и только» [Пропп 1986: 299]. Прежде чем разбудить героя, царевна узнала в нем своего брата. Узнавание произошло благодаря кольцу: «Нывка казяліс жӧникыс киись чунькытш, а чунькытш вылас царскӧй печать. И мый диво,

дак чунькытшыс сэтшӧм жӧ, кыз и сылӧн» (Девушка увидела на руке жениха кольцо, а на кольце царская печать. И что удивительно, дак кольцо такое же, как и у нее) [Климов 1960: 58]. Царевич возвращает сестру домой.

Еще в одной сказке имя Красной девицы вынесено в заглавие произведения («Иван Царевич да Красной девица»), как известно, название находится в сильной позиции, тем самым подчеркивается значимость героев.

В данной сказке герой отлучается из дома, чтобы найти себе жену. Герою изначально дается предупреждение: «Красной девица дынӧ сюрны сьӧкыт. Сылӧн дворецыс гӧгӧртӧма стынӧн, а быд стынина вылын морт юр. Только куим стынина вылын ни абу. Верман кӧ вуджны энӧ стынинаэсӧ, то кольччан ловйӧн, он кӧ вермы – юрыт лоас стынина вылас» (К Красной девице попасть трудно. Ее дворец огражден жердями, и на каждой жердочке висит человеческая голова. Только на трех жердях еще не висят. Если сможешь перейти эти жерди, то останешься жив, если не сможешь – голова твоя окажется на жерди) [Климов 1960: 109]. Учитывая указанное предостережение, появившееся в сказке в начале повествования, можно предположить, что Красная девица (невеста) не желает выходить замуж. Она враждебно относится к будущим женихам, и, возможно, владеет магией. Если учитывать данный отрывок, то по В.Я. Проппу задачи характеризуются как, «задачи бежавшей и вновь найденной царевны», в них прочитывается враждебность. Несмотря на то, что предупреждение Иван царевич получил трижды, тем не менее, он отправляется за Красной девицей. Однако по мере развития сюжета обстановка и роль Красной девицы меняется. Оказывается, она была украдена еще в детстве Идолом, державшим ее вместо дочери. Идол – это ложный герой данной сказки, выполняющий функции отца, а, значит, и способный задавать задачи женихам. Идол просит Ивана царевича отдать волшебные предметы, имеющиеся у него: чышкӧт (полотенце), пызандӧра (скатерть), жбан (кадуля). Иван царевич похищает невесту, но Идол их догоняет и обратно возвращает царевну. Герой обращается за

помощью к Бабе-Яге. Она здесь выступает дарительницей. Баба-Яга испытывает героя. Иван царевич выдерживает испытание и получает коня, на котором спасает Красную девицу от Идола. Однако в дороге они подвергаются преследованию. Примечательно, что в данной сказке Красная девица берет также функцию помощника: именно она «ставит преследователю препятствия». Царевна бросает зу (чесалку) и вырастает лес, оставляет матег (мыло) на дороге и образуется море. В этом море погибает ложный герой: «Идоллӧн мореас пондас быдӧс торйын уявны: и юр, и коккез, и киэз» (У Идола в море начнет все по частям плавать: и голова, и ноги, и руки) [Климов 1960: 117]. В финале сказки о свадьбе речь не идет, в то время как подчеркивается, что Иван царевич и Красная девица добрались до дома и стали жить хорошо. Важно отметить, что в сказке «Иван царевич да Красной девице» из всех выделенных функций В.Я. Проппом для царевны выполняется только наказание вредителя.

Если в рассмотренных выше сказках царевна оказывалась украденной из родительского дома ложным героем и жених (царевич) сам ее возвращал, то в сказке «Гона да Ёмека» она становится объектом похищения главным героем (Ёмека). Задача ставится женихом (царем) его слуге – достать из кашемирового царства невесту. Отсылка Ёмеке дана в форме приказа и сопровождается, с одной стороны, угрозой (если царевна не будет доставлена, то герою отрубят голову), с другой стороны, поощрением (герою обещана большая награда). Царевну путем обмана доставляют на корабль. Однако она сопротивляется: предпринимает попытку сбежать, применив магию. Для побега превращается в белого лебедя. В.Я. Пропп отмечает, что такое превращение происходит вынужденно. Здесь мы наблюдаем «бегство с превращениями». Сбежать ей не удастся, поскольку Ёмека стреляет в нее и попадает в крыло. Царевна обратно падает на корабль, который увозит ее из родного царства. Далее по сюжету следуют «задачи бежавшей и вновь найденной царевны». Попав к царю, царевна дает ему задание: «Судзӧт

менам государствоись менчим вѡв да карета» (Достань из моего государства мою лошадь и карету) [Климов 1960: 139]. Поставленную задачу решает не сам жених, как полагается в традиционном сюжета, а его слуга. Ёмека выполняет задание царевны и та соглашается выйти замуж за царя. Ёмека в финале сказки получает от царя золото и свободу.

В другой сказке «Солдат Иван и царевна» трудная задача задается дважды. Первый раз ее сообщает отец трех царевн: «Кто пойдет искать моих дочерей и найдет хоть одну, за того выдам дочь и отдам полцарства в награду» [Сторожев 1948: 25]. Как видим, она представляет собой «всенародный клич». Дочери царя были похищены трехглавым змеем в день их восемнадцатилетия. На клич царя отзывается солдат. Солдат находит младшую дочь в небольшом домике около моря. Царевна задает ему задачу: «Вот здесь стоят две бочки. Сможешь переставить эти бочки – спасешь меня и себя, не сможешь – погибнем оба. В этой бочке такая вода, от которой прибавляется сила, а в этой такая, от которой убывает сила» [Сторожев 1948: 25]. По логике сказки здесь должна быть еще одна задача «в ответ на сватовство». Однако мы находим другой вариант, в которой задача приобретает несколько иное значение, с одной стороны, героиня проверяет силу солдата, с другой стороны, становится его помощницей. В сказке имеется также мотив клеймения героя. В знак благодарности царевна дарит Ивану кольцо: «Ты мой спаситель! Вот тебе мой перстень» [Сторожев 1948: 26]. Возвратившись на корабль, который вместе с другими солдатами ждал их на пристани, Иван обнаруживает, что кольцо оставил в доме царевны. Он возвращается за кольцом, а солдаты в это время увозят царевну домой. Один из солдат сообщает царю, что он освободил царевну. Царевна не может возразить, поскольку солдат пригрозил ее убить. Таким образом, ложный герой обманным путем пытается завладеть царевной и всем царством. Иван возвращается во дворец и царевна, увидев на его пальце перстень, признается, что это он ее спаситель. Происходит узнавание жениха, а

ложный герой получает наказание: его с позором выгоняют из дворца. Сказка завершается свадьбой Ивана и младшей дочери царя.

В сказке «Иванушка» представлены два типа царевн. По мнению В.Я. Проппа, к первому типу относится такая царевна, которая представляет собой «существо коварное, мстительное и злое, она всегда готова убить, утопить, искалечить, обокрасть своего жениха, и главная задача героя, дошедшего или почти дошедшего до ее обладания, – это укротить ее» [Пропп 1986: 46]. К данному типу относится Елизавета – царская дочь, жадная, алчная, себялюбивая девушка. Об этом свидетельствует, в частности, и задача («всенародный клич»), которую царевна сама озвучивает. Ее содержание подтверждает сущность героини: «Царская дочь Елизавета ищет жениха, у которого больше денег, чем у нее» [Сторожев 1948: 28]. В словаре отмечено, что «Лиза – умная и хитрая лисичка, обладающая даром манипулирования людьми» [<http://onwomen.ru/znachenie-imeni-elizaveta.html>]. В сказке Елизавета соответствует предложенной характеристике. Она обманным путем завладела волшебными предметами пришедшего жениха – Ивана. После того, как Елизавета украла у него бумажник, шапку-невидимку и крысало, велела стражникам выгнать Ивана из дворца.

Второй тип царевны В.Я. Пропп определяет как «верная невеста, она ждет своего суженного». В данной сказке ею становится девица-красавица. Иванушка попадает в крепость, где героиня сидит в заточении уже несколько лет. Здесь она выступает, с одной стороны, помощницей Ивана (предупреждает о том, что замок охраняет великан – ее похититель), с другой стороны, становится его женой. По логике сказки царевна, похищенная ложным героем, должна «отыскать подлинного жениха». В таких случаях жениху оказывается услуга: «ему дается случай проявить себя». Девица-красавица просит убить великана и царевну Елизавету. Иван выполняет ее задачи. Отметим, что убитая Елизавета превратилась в мальчика, которого великан заколдовал три года назад. А спасшей девицей-красавицей оказалась

царевна Мария. В финале сказки Иван с Марией возвращаются в королевство, и «на второй же день сыграли свадьбу и остались жить во дворце» [Сторожев 1948: 37].

В сказке «Шыр да кеня» Мича ныв оказывается дочерью колдуна, который настроен враждебно. Здесь задачи исходят от отца. Они ставятся три раза «в ответ на сватовство». По мнению В.Я. Проппа, «очень часто встречается группа, слагающаяся из трех задач в различных соединениях» [Пропп 1986: 340]. Герою данной сказки предлагается возвести дворец, вырыть реку с множеством рыб и садом, построить хрустальный мост. Следует заметить, что все задачи, поставленные колдуном, содержат угрозу: «Керан меным этö, – зятьö пукта, он вермы – юртö босьта» (Сделаешь мне это, – в зятя возьму, а не сделаешь – голову отрублю) [Климов 1990: 109]. Тем не менее, жених выполняет все запросы колдуна, потому что у него имеется волшебный помощник. Дарителем волшебного предмета является сама невеста, обладающая магией. Об этом свидетельствует как ее превращение в лебедя, так и наличие волшебного предмета, которым становится золотое кольцо. Примечательно, что с помощью золотого кольца происходит клеймение героя. Этим кольцом герой должен постучаться к невесте в комнату два раза, только так она сможет узнать о приходе возлюбленного. Наличие магического предмета позволяет решить жениху все поставленные задачи. Невеста не является пассивной царевной, ждущей, когда ее отпустят. Она активно участвует в сказочном сюжете. Именно она, благодаря своей магии, крадет платок, в котором находится сила колдуна. Во время бегства от колдуна, они сжигают его и колдун умирает. Оба оказываются свободными. В финале сказке подчеркивается, что дочь колдуна и сын рыбака живут вместе.

Итак, наши наблюдения показали, что

- в коми-пермяцких волшебных сказках одной из постоянных характеристик царевны становится имя. Заметим, что этимология женских

имен восходит еще к глубокой древности, к тому времени, когда прозвища, получаемые людьми, соответствовали каким-либо особенностям человека: внешний облик или род занятий, характер, позволяющие выделить отличительные черты персонажа. Отличительной чертой царевны является ее красота. Данная характеристика подчеркивается с помощью таких имен как Мича ныв, Басок ныв, девица-красавица, Красной девица.

- «постоянными», «повторяющимися» функциями царевны в коми-пермяцкой волшебной сказке являются «задавание трудных задач, клеймение, обличение, узнавание, наказание второго вредителя, свадьба».

- «задавание трудных задач» происходит в разной форме:

1) Это может быть «всенародный клич» («Рытко, Ойко да Асырко», «Солдат Иван да царевна», «Иванушка»). Указанная задача чаще всего появляется в начале сказки и задается родителями похищенных дочерей. Содержание задачи состоит в том, чтобы вернуть царевну домой, а за ее освобождение герою предлагается полцарства и замужество с ней. Похитителем царевны выступает змей, которого герой должен убить. Следует заметить, что героиня в коми-пермяцких волшебных сказках всегда активно участвует в своем освобождении. Так, невесты не раз спасают героя, помогают ему убить вредителя, выступают дарительницами волшебных предметов. Нередко сами превращаются в птиц (белый лебедь), чтобы убить вредителя, например, в сказке "Иванушка". Надо сказать, что мотив оборотничества достаточно архаичен. Царевны принимают облик какого-либо животного, что свидетельствует о наличии в них фантастической силы. В этих случаях можно говорить о проявлениях тотемизма, поскольку связь с тотемным предком и может служить источником магической силы, а способность принимать любые облики – проявлением этой силы. Здесь мы солидарны с мнением Н.В. Новикова, «героиня не только не уступает главному герою, но иногда и превосходит его» [Новиков 1974: 245]. Поэтому в сказках, имеющих задачу «всенародный клич», всегда появляется

еще одна задача «в ответ на сватовство», которую предлагает решить герою сама невеста. Сказкам «Рытко, Ойко да Асырко», «Солдат Иван да царевна» противопоставляется сказка «Иванушка». В ней «всемирный клич» задается царевной (как впоследствии оказывается ложной) и содержание кардинально отличается от предыдущих: герой должен обладать отличительной чертой (даже не силой, которая требуется в волшебной сказке), а богатством.

2) Это могут быть «задачи в ответ на сватовство» («Рытко, Ойко да Асырко», «Солдат Иван да царевна», «Царь Адмон, сылон зон да орел – золотый борд», «Шыр да кеня»). Как уже было замечено, они задаются царевнами после того, как герой их смог вывести из «иного мира». Прежде всего, они направлены на то, чтобы проверить, обладает ли герой магией, может ли управлять (говорить) с природой. Героини коми-пермяцких волшебных сказок предлагают им построить золотой дворец и мост, насадить сад и вырыть реку, сшить прекрасные платья. Примечательно, что такие задачи могут быть поставлены и враждебным отцом (или ложным героем), например, в сказке «Шыр да кеня», «Иван Царевич да Красной девица».

3) Довольно редко встречаются «задачи бежавшей и вновь найденной царевны». Нами была обнаружена всего одна сказка «Гона да Омека», в которой царевна не желает выходить замуж и всячески пытается остановить этот процесс. Содержание задачи состоит в том, чтобы герой вернулся в ее царство и достал коня с каретой.

- «клеймение» героя в коми-пермяцких волшебных сказках чаще всего происходит с помощью золотого кольца, подаренного царевной жениху за ее спасение. «Узнавание», как правило, связывается с обличением ложного героя. Это действие в коми-пермяцких волшебных сказках наблюдается в финале. В то время, когда героиню заставляют выйти за него замуж. Однако золотое кольцо помогает выявить настоящего спасителя и наказать ложного героя (или вредителя). Ими выступают Керцспыкцт – хранитель входа в

подземное царство; Идол – мифический персонаж; великан и колдун. Наказание происходит в форме изгнания героя из царства, смерти героя в результате борьбы или погони, когда волшебные предметы уничтожают их.

2.2. Образ Марии-царевны

Примечательно, что в фольклоре известны разные варианты имени Марья. В зависимости от того, кем она является, меняется и форма ее имени: Марья-Моревна, если смелая дева-воин, Марья-царевна, если царская дочь [Ожегова 1960: 247]. В коми-пермяцком фольклоре встречается один вариант – Мария-царевна в сказке «Золотой яблоня».

В сказке «Золотой яблоня» героиней является Мария-царевна. Как и другие царевны, она оказывается объектом похищения. Однако в данной сказке отсутствуют задачи на сватовство. Изначально Мария-царевна является персонажем, за нахождение которой герою обещана награда, но наградой становится не замужество на ней, а волшебный помощник. Марию-царевну находит Иван, сын царя. Ему достается и Мария-царевна, и золотая птица, и конь. Помощником героя выступает волк. Однако все меняется, когда Ивана убивает его брат и забирает все предметы себе. Так, Мария-царевна оказывается в руках ложного героя. Его обличение происходит на свадьбе. Ивану, уже в который раз, помогает волк, приносит ему живую воду. Мария-царевна признается родителям, что это Иван ее жених, что она узнала его по тому кольцу, которое подарила еще в дороге. Сказка завершается свадьбой и наказанием ложного героя: «А Романос царьыс вашотас, мун по шатлась чочком свет кузя, тэ по менам не зон и медбы синё тэнё эз адззы и пельё эз кыв» (А Романа царь изгнал, сказав, иди, говорит, скитайся по белу свету, ты, говорит, мне не сын, и чтобы глаз мой тебя не видел и ухо мое тебя не слышало) [Климов 1990: 131].

В сказке «Золотой яблоня» Мария-царевна предстает перед читателем послушной, доброй, пассивной героиней. Она не предпринимает никаких попыток, чтобы разоблачить ложного героя, который в случае разглашения тайны обещался ее убить. Мария-царевна показана впечатлительной героиней, например, она падает в обморок, когда узнает ожившего Ивана. Данная сказка является единственной, в которой героиня теряет сознание.

2.3. Образ Марфиды Прекрасной

В сказке «Марфида Прекрасной» героиня, как и Красная девица, становится объектом похищения. Похитителями оказываются ее голуби, оставшиеся голодными. Происходит вынужденная отправка героини из дома. Как Красная-девица, так и Марфида Прекрасная в сказке является невестой. Голуби доставляют ее в дом сватавшегося за нее Ивана Ивановича. Однако Марфида Прекрасная отказывается от «легкого счастья», выбросив свое кольцо в реку. Тем самым ставит задачу «в ответ на сватовство»: «Кыскас шорись чуньсис золотой чунькытш да чапкас морей, ачыс висьталас: Кытчодз ме это чунькытшос ог адззы да чуням бор ог суйышт, некор меным жониккот не сёрнитны». (Она снимет со среднего пальца золотое кольцо и выбросит в море, сама скажет: Пока я не найду это кольцо да на палец обратно не надену, никогда мне с женихом не разговаривать) [Климов 1990: 84]. Она ждет достойного жениха, способного проявить свою силу.

Согласно логике сказки появляется вредитель, который испытывает героиню. Вредителем выступает мачеха Ивана Ивановича – Ягишна. Мачеха чаще всего в сказке является злой героиней. Здесь она предстает в роли ведьмы. Ягишна пытается убить Марфиду Прекрасную путем обмана. Мачеха «действует непосредственным применением волшебных средств»: просит подоить корову, способную превратиться в волка; просит постричь овцу, которая должна съесть Марфиду Прекрасную; просит забрать веретено

у соседки, которая является ведьмой. Однако все препятствия преодолеваются, поскольку о колдовстве ее заранее предупреждает Иван Иванович. Он становится ее помощником.

Марфида Прекрасная вынуждена отлучиться, чтобы принести веретено Ягишне. По дороге она подвергается нападению, тем самым подготавливается к получению помощника. Враждебные животные (собака, гуси, кот) пытаются остановить героиню. Марфида Прекрасная пробует задобрить их с помощью пищи: она кормит животных, и они отпускают ее. Марфида Прекрасная попадает в дом соседки Ягишны. Помощником выступает кот, которого она успела задобрить. Героиня крадет веретено и возвращается домой. Преследование в сказке отсутствует, и точно также как отсутствует и свадьба – о ней речь не идет. Она остается свободной. Об этом свидетельствует и ее имя «"Марфида" – "Манфрида" происходит от имени Манфред, что значит "человек свободный" [<http://www.proza.ru/2015/12/06/90>]. В финале указывается, что к возвращению Марфиды Прекрасной Иван Иванович поймал щуку, а в щуке нашел ее кольцо.

Как видим, роль невесты сохраняется и в рассмотренной сказке. Марфида Прекрасная, кроме того что является невестой, становится главным действующим персонажем и, как центральный герой, выполняет и другие функции. Таким образом, Марфида Прекрасная представлена в сказке как прекрасной, так и премудрой.

ГЛАВА 3. ДЕТСКИЕ ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В КОМИ-ПЕРМЯЦКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ

Третья глава посвящена анализу детских женских образов в волшебной коми-пермяцкой сказке. В первом параграфе рассматриваются основные функции сирот в сказке. Во втором параграфе изучаются поведенческие характеристики падчериц.

3.1. Образ девочки-сироты в волшебных сказках

В словаре Е.И. Ефремовой сирота трактуется как «ребенок или подросток, оставшийся без одного или без обоих родителей» [Ефремова 2001: 108]. Под сиротами мы будем понимать тех героев, у которых нет ни матери, ни отца.

В свою очередь Е.М. Мелетинский отмечал, что «сирота лишен "нормальной семьи"» [Мелетинский 1958: 27–29]. Анализируя русские волшебные сказки, исследователь акцентировал внимание на сиротах-мальчиках: «Сирота обычно живет с сестрой и старой бабкой» [Мелетинский 1958: 40]; «Был, юноша, сирота, без отца и без матери, воспитал его дядя. Ходил он в худом платье. Сквозь дыры нагое тело светилось, так и дрожал он весь от холода» [Мелетинский 1958: 43]. Сразу же отметим, что в коми-пермяцких волшебных сказках фигурируют и девочка-сирота, и мальчик-сирота. Важным становится то, что оба героя являются центральными персонажами. Убедимся в этом.

В коми-пермяцких волшебных сказках образ девочки-сироты не является популярным. Нами было выявлено всего три сказки, в которых фигурирует сиротка: «Кам ордö била» (К Каму за огнем), «Татьянушка и братец Иванушка» и «Чöвтöтовöй дубаса ныв» (Рядновушка). Проанализируем данные произведения.

Сразу же заметим, что в коми-пермяцких волшебных сказках девочку-сироту необходимо рассматривать в связке с братом. Так, в указанных произведениях встречаются полные сироты, которые с детства оказываются без обеих родителей. При этом родители детей умирают ввиду отсутствия жизненно важных предметов, к примеру, огня, дающего тепло и пищу в сказке «Кам ордё била». Тем самым обнаруживается недостача, и согласно логике сказки, герою необходимо отлучиться из дома, чтобы добыть необходимый предмет. Кроме того, на попечении девочки остается маленький брат.

Примечательно, что в сказке «Кам ордё била» за огнем родители отправляют старшую дочь. Известно, что в сказках испытание проходит младший сын или младшая дочь, которые являются смелее и находчивее своих братьев и сестер. Законы сказки не нарушаются и в данном произведении. Младший брат, как и положено, нарушает запрет и отправляется один за огнем к Каму. В начале повествования сказки главная роль отводится мужскому персонажу: мальчик отправляется в путь, борется с Камом, применяет волшебные предметы, добывает огонь. Однако по мере развития сюжета ситуация меняется. Сестра берет на себя функцию матери: оберегает и защищает брата.

Интересным, на наш взгляд, в сказке «Кам ордё била» представляется способ выхода из критической ситуации. Так, дети снова отлучаются из дома, чтобы добыть себе хлеб. За хлебом они отправляются к Бабе-Яге, слепой старухе. Детям не раз пришлось побывать у нее и только благодаря наставлениям сестры, им удавалось оставаться в живых. Поскольку Баба-Яга была слепой, дети должны были вести себя тихо: «Тэ эн жö бöбась серöмтчыны каньыс вылö видзöтiкö. Мый бы сiя эз кер, тэ увдöрись тырптö курчöвт да шы эн сет» (Посмотрев на кота, ты уж не смей посмеяться. Что бы он ни делал, ты нижнюю губу прикуси и ни звука не издавай) [Спорова, Распопова, Лунегов 1947: 47] – это был единственный запрет сестры.

Известно, что запрет, представленный в начале сказки, обязательно нарушается на третий раз. Баба-Яга ловит детей и сажает их в подпол, чтобы впоследствии съесть. Однако и здесь сиротка не растерялась. В тот момент, когда Яга собралась их засунуть в печь: «Вот ягабаба керкуё пыртас өтöрись паськыт няньзыр, горöдзö сйё пуктас и тшöктас нывкалö сы вылö пуксьыны. Нывка бытьтö этадз и сідз пуксяс-пуксяс – горöмö некыдз оз төр. <...> Зонка няньзыр вылö каяс. Сойыс моз жö бöра бытьтö мырсяс-мырсяс – некыдз горöмö оз төр» (Вот ягабаба в дом занесет широкую хлебную лопату, к печке ее положит и попросит девочку сесть на нее. Девочка как будто так и сяк сядет-сядет – в печь никак не влезает <...> Мальчик залезет на хлебную лопату. Как и сестра опять старается-старается – никак в печь не влезает) [Спорова, Распопова, Лунегов 1947: 49–50], сестра использует ложный ответ: «А ноко, баба, тэ ачыт няньзыр вылас пуксьы да мыччав миянлö, кыдз колö керсьыны, мед горöмö төрны» (А ну-ка баба, ты сама на хлебную лопату садись и покажи нам, как нужно сесть, чтобы в печку влезть) [Спорова, Распопова, Лунегов 1947: 50]. Брат и сестра с помощью обмана избавляются от вредителя. Не случайно исследователи отмечают, что ложь – сильнейший магический прием, применяемый во множестве обрядов и ритуалов. По мнению С.М. Толстой, «в народной культуре ритуальный обман (как вербальный, так и акциональный) часто служит магическим приемом для защиты от нечистой силы, болезней и других опасностей» [Толстая 2004]. Очевидно, в сказке «Кам ордö била» мы встречаемся с «ритуальным обманом».

Тем не менее, сказка на этом не заканчивается. Сестра ставит перед братом еще три запрета, которые также нарушаются: во-первых, она просит не есть сала, оставленного после Бабы-Яги; во-вторых, запрещает пить воду из копытца животных; в-третьих, запрещает брату, превратившегося в барашка, издавать какие-либо звуки, чтобы не привлекать диких животных. Нарушение последнего запрета приводит к тому, что барашка крадет волк и

уносит к Каму. В этом случае сестре самой приходится отлучиться из дома, чтобы его вернуть.

Интересным также представляется выход из критической ситуации. Если в первом случае сестра с помощью ритуального обмана избавилась от вредителя, то в данном эпизоде происходит все иначе. Здесь в спасении брата применяются помощники и волшебные предметы. В роли помощников выступают олицетворённые силы природы, к примеру, птица показывает дорогу бедной девочке к старухе, обладающей магией. Старуха предлагает девочке свою помощь: «Вот тэныт тшакыль и вот тэныт гормётчан. <...> И кытчö тшакыль пондас таравны, сэтчö и мун; кытчö сувтас, сэтчö и сувт. Кам ордö локтан да гормётчаннат куимись веськыт ладорöt öвтышт» (Вот тебе клубок, и вот тебе кочерга. <...> И куда клубок будет катиться, туда и иди; куда остановится, там и остановись. Придешь к Каму да кочергою своею три раза направо взмахни) [Спорова, Распопова, Лунегов 1947: 52]. Следует заметить, что для получения волшебных предметов девочка не выполняет никаких указаний старухи. По этому поводу исследователи не раз подчеркивали, что могущественные силы помогают обездоленному из сочувствия к нему. Они вмешиваются в ход событий, чтобы вознаградить несправедливо обиженных. Сироты совершают подвиги обычно при участии чудесных помощников, иногда побеждают врагов хитростью. В сказке «Кам ордö била» девочка, получив волшебные предметы от старухи, освобождает своего брата и убивает Кама.

В сказке «Татьянушка и братец Иванушка» дети также становятся полными сиротами. Причина смерти родителей не сообщается. Подчеркивается, что старшим оказывается брат, а не сестра. Для развития сюжета сказки героям необходимо нарушить запрет. Поскольку родители умерли, то запрет должен быть поставлен братом либо сестрой. В данной сказке он сообщается младшей сестрой: «Не женись, брат, не женись. Женишься – меня почитать не будешь» [Сторожев 1948: 17]. Иванушка

нарушает запрет сестры, после которого следуют испытания, предложенные вредителем.

Вредителем в сказке становится жена Иванушки, не раз предпринимающая попытки погубить Татьянушку. Надо сказать, что вредительство жены брата или мачехи является достаточно известным мотивом. Жена брата или мачеха – это всегда герой-антагонист, совершающий вредительства по отношению к положительным героям, прежде всего, к детям. Герой-антагонист – это чужой человек, появившийся после нарушения запрета в доме героя. Таким образом, жена Иванушки и есть вредитель. Она три раза его обманывает, утверждая, что его сестра заколола их быка, что она зарезала их жеребца, что Татьянушка убила их ребенка. Все злодеяния были совершены самой женой, подтверждающей статус вредителя. Иванушка два раза прощает сестру, а на третий раз наказывает ее: уводит в темный лес и отрубает ей пальцы. Известно, что отрубание рук или пальцев предпринималось при наказании воров: «Как и во многих других странах, до начала применения в целях регистрации преступников антропометрии и дактилоскопии, в России применялись методы клеймения. Часто клеймение сопровождалось одновременным калечением арестованных: отсечением ушей, пальцев рук, вырыванием ноздрей» [<http://www.pseudology.org/Crim/Daktiloscopy.htm>]. В сказке данный мотив переосмысливается и становится наказанием за убийство младенца.

По логике сказки в развитии сюжета должны появиться испытания сиротки. Однако в сказке они отсутствуют. Прежде всего, Татьянушка обнаруживает яблоневый сад. Как известно, сад – это место, в котором разворачиваются многие центральные события сказок. К примеру, в коми-пермяцкой сказке в саду магическим образом пропадают три сестры, в саду поднимается большой ветер и уносит царевну в неизвестном направлении. В сказке «Татьянушка и братец Иванушка» героиня, с одной стороны, находит

пищу – яблоки, с другой стороны, встречает доброго молодца, ставшего ее мужем.

По мере дальнейшего развития сюжета становится очевидным влияние литературной сказки А.С. Пушкина «Сказка о Царе-Салтане» на сказку фольклорную «Татьянушка и братец Иванушка». Сходство, прежде всего, обнаруживается на уровне фабулы. Рассмотрим их подробнее.

В обоих произведениях мужья вынуждены покинуть дом. Если в «Сказке о Царе-Салтане» герой уезжает на войну: «В те поры война была. Царь-Салтан с женой простяся, На добра коня садяся, Ей наказывал себя Побережь, его любя» [Пушкин 2012: 8], то в сказке «Татьянушка и братец Иванушка» муж Татьяны едет в город «пришло время мужу Татьянушки ехать в город» [Сторожев 1948: 18]. Как в литературной сказке, так и в фольклорной сказке жены одни рожают детей. В «Сказке о Царе-Салтане» «между тем как он далеко / Бьется долго и жестоко, / Наступает срок родин; / Сына бог им дал в аршин» [Пушкин 2012: 8]. В сказке «Татьянушка и братец Иванушка» «без него она родила сына». И в литературной сказке, и в фольклорной сказке жены отправляют письма мужьям, сообщая о рождении сыновей. В «Сказке о Царе-Салтане» жена посылает мужу весточку: «Шлет с письмом она гонца, чтоб обрадовать отца» [Пушкин 2012: 8]. В сказке «Татьянушка и братец Иванушка» Татьяна «послала письмо мужу с попутчиком» [Сторожев 1948: 18]. В обоих произведениях письма меняют. В литературной сказке письма заменяют ткачиха с поварихой. В фольклорной сказке замену письма совершает жена брата. Примечательно, что в письмах и в «Сказке о Царе-Салтане», и в «Татьянушке и братце Иванушке» внимание акцентируется на том, кого родили жены. В литературной сказке «Родила царица в ночь / Не то сына, не то дочь; / Не мышонка, не лягушку, / А неведому зверушку» [Пушкин 2012: 8]. В фольклорной сказке жена брата написала, что «Татьянушка родила не ребенка, а котенка» [Сторожев 1948: 18]. Важным является то, что как в литературной сказке, так и фольклорной

отмечается рождение не человека, а животного. В обоих произведениях приходит ответ мужей, в которых они просят дождаться своих жен. В обоих произведениях письма вновь крадут и меняют. Последняя кража писем приводит к изгнанию их жен. В «Сказке о Царе-Салтане» указывается, чтобы «времени, не тратя даром, / И царицу и приплод / Тайно бросить в бездну вод» [Пушкин 2012: 10]. В сказке «Татьянушка и братец Иванушка» замечено, «чтобы Татьяна уходила, куда глаза глядят» [Сторожев 1948: 18]. Если в коми-пермяцкой сказке всю правду о лжи сестры, и о скитаниях матери с сыном рассказывает сам сын Татьянушки, то в «Сказке о Царе-Салтане» царь сам догадывается о существовании своего сына. Эту ситуацию мы можем увидеть из приведенного эпизода сказки. «В город он повел царя / Ничего не говоря». «А сама-то величава / Выступает, будто пава/ И свекровь свою ведет/ Царь гладит – и узнает/ В нем выиграло ретивое!/ "Что я вижу? что такое? как?" – и дух в нем занялся.../ Царь слезами залился, Обнимает он царицу, И сынка, и молодицу, И садятся все за стол; И веселый пир пошел» [Пушкин 2012: 61]. В «Татьянушке и братце Иванушке» мальчик рассказал отцу сказку, в которой раскрыл историю своей матери, как «жили брат и сестра и как злая жена погубила сестру» <...> как сестра попала в яблоневый сад, как встретила с молодым парнем, как потом они поженились, как злая жена подменила письмо» [Сторожев 1948: 19]. Известно, что в финале сказки вредителя наказывают. Однако если в литературной сказке царь прощает повариху со сватьей бабой Бабарихой, «А ткачиха с поварихой, / С сватьей бабой Бабарихой / Разбежались по углам; / Их нашли насилу там. / Тут во всем они признались, / Повинились, разрыдались; / Царь для радости такой / Отпустил всех трех домой / [Пушкин 2012: 61], то в фольклорной сказке муж «злую жену Иванушки велел наказать, а сам с Татьянушкой и сыном отправился домой» [Сторожев 1948: 19].

Еще отметим, что во время скитальчества матери и сына появляется помощник – седой старик. Мы уже указывали на то, что сирот жалеют и

всячески пытаются им помочь. Старик вытаскивает упавшего в реку ребенка и восстанавливает обрубленные пальцы.

Наши наблюдения показали, что в коми-пермяцких волшебных сказках образ полной сиротки не многообразен. Нам становится известным, что уже с детства она остается без матери и без отца, что девочка-сирота всегда имеет младших братьев, что она заменяет им мать, выполняя функции защитника и помощника. Интересным представляется в сказках преодоление препятствий. В критической ситуации сиротка применяет «ритуальный обман», который позволяет ей и ее брату остаться живыми и невредимыми; ей помогают олицетворенные силы природы, предоставляющие сиротке волшебные предметы только за их социальное положение.

3.2. Образ падчерицы в волшебных сказках

Падчерица подробно рассмотрена Е.М. Мелетинским в монографии «Герой волшебной сказки». Его наблюдения помогут нам в дальнейшем анализе выделенного персонажа. Проанализируем основные идеи.

По мнению исследователя, падчерица – это, прежде всего, жертва злой мачехи, «лишенная поддержки рода, которая оказывается в таком же положении, как сиротка. Смерть матери становится для нее трагедией именно потому, что покойную мать не заменяют другие матери, не заменяет род. Только принявшие фантастическую форму силы материнского рода поддерживают падчерицу» [Мелетинский 1958: 154]. Как справедливо замечает Е.М. Мелетинский, «падчерица ищет помощи у родной тетки – сестры матери (в поздних, христианизированных вариантах – у крестной матери), но чаще всего – у родной матери, помогающей детям и после смерти, а также у фантастических сил материнского рода. Во многих сказках падчерице помогает чудесное животное – корова, коза, кот и т. п. Иногда это

превращенная мать или священное тотемное животное» [Мелетинский 1958: 156].

Важным является то, что сказки о падчерице «выражают народную идеализацию обездоленного» [Мелетинский 1958: 154]. Не случайно ее наделяют только положительными чертами: «изображается скромной, трудолюбивой, доброй, признательной» [Мелетинский 1958: 158]. Отмечается ее «домовитость, трудолюбие, выносливость, терпение, кротость, смирение, сострадание, она всегда готова услужить и помочь». Падчерица имеет «зеркальное отражение» в образе «мачехиной дочери», которой присущи лень, несдержанность, грубость, нетерпение, заносчивость, нерадивость, себялюбие. «При встрече с чудесными лицами и предметами, животными, бедными людьми, нуждающимися в помощи, падчерица, как и младшая дочь в соответствующих сказках, внимательна к ним, ласкова, выполняет их просьбы, и за это они помогают ей, или награждают ее. А мачехины дочери, наоборот, грубы, надменны, и чудесные лица мстят им за это, отказывают в помощи» [Мелетинский 1958: 158]. Падчерица, прежде всего, – жертва: ее «пассивность отчасти выражает бескорыстие, отсутствие эгоистической заинтересованности» [Мелетинский 1958: 159].

Таким образом, при анализе падчерицы в центре внимания оказываются ее нравственные качества; даритель; подарки, предложенные ей дарителем; в некоторых случаях помощь дарителям.

В коми-пермяцких сказках данный тип героя встречается в трех сказках: «Певрунь» (Певрунья), «Чөвтөтовöй дубаса ныв» (Рядновушка) и «Жадной попадья» (Жадная попадья). Рассмотрим данные сказки более детально.

Прежде всего, обратимся к внешним приметам падчерицы. Во всех сказках сколько-нибудь представлено описание ее одежды, подчеркивающее обездоленность. В сказке «Жадной попадья» героиня признается: «Рышкисьём йөрнös-дубас новья» (Ношу рваную рубашку и дубас) [Климов

1960: 150]. В сказке «Певрунь» отмечается изношенность одежды: «Зипунок да шабурокыс эд оз ни унасö шонт» (Ведь зипуночек да шабурочек не согреют хорошенько на улице) [Климов 1990: 164]. В указанном произведении четко прослеживается преобразование героини после появления дарителя. Важно, что внимание акцентируется на смене одежды Певруньи. После встречи с добрым молодцем она ассоциируется с барыней: «Удисö-вердисö Певруньсö, бур паськөмө пасьтөтисö, топ баронняс» (Напоили, накормили Певрунью, в хорошую одежду одели, словно барыню) [Климов 1990: 164]. Однако девушка отказалась брать с собой все подарки: «Нем эз босьт Певрунь: только пась да пимиз корис, шоньт шальён шальясис» (Ничего не взяла Певрунь, только шубу и пимы попросила, теплой шалью обмоталась) [Климов 1990: 164]. Тем не менее, мачеха, увидев падчерицу в новой одежде, со злобой посмотрела на мужа и сказала: «Певруньтö роч аканьён керин» (Певрунью русской куклой сделал) [Климов 1990: 164]. Мачеха подчеркивает красоту Певруньи. В «Коми-пермяцком фразеологическом словаре» О.А. Поповой отмечено: «Роч акань – басök нывка йылис, букв. Русская кукла. Красивая девушка» [Попова 2010: 159]. Не случайным является и тот факт, что смена одежды (с плохой на хорошую) становится поводом отправки в лес сводной сестры Певруньи: «Нуот сэтчин и менчим кагаос да сиджө пасьтөт» (Увези туда и мою дочку и также одень) [Климов 1990: 164]. Смена одежды (только с точностью до наоборот) происходит и в сказке «Чөвтөтөвой дубаса ныв». Мачеха забирает у падчерицы царскую одежду и дает ей крестьянскую: «А горзö сы понда, мыля мачехаыс сылис царскöй паськөмсö мырддис да сетис сы туйö умөликö» (А заплакала из-за того, почему мачеха отняла у нее царские наряды, а вместо них плохую одежду дала) [Климов 1991: 237].

Примечательно, что в сказках представлена красота падчериц. Она изображается на контрасте: плохая одежда, но прекрасное лицо. Наиболее ярко данный признак предстает в сказке «Певрунь», в которой указано, что

девушка «бытшом да рам» (красивая и хорошая). Интересно то, что именно красота, которой наделяется падчерица, помогает ей в трудной ситуации. Певрунь, оказавшись в лесу, увидел молодец и сразу же отметил ее красоту: «Эн пов, басок чужом, видзот ме выло» (Не бойся, красивое лицо, взгляни на меня) [Климов 1990: 164]. Именно он уводит ее из леса: «Мунам ме ордо овны, и некытшом лек тэно оз босыт» (Пойдем ко мне жить, и никакое горе тебя не возьмет) [Климов 1990: 164]. Заметим, что Певрунь по своей красоте и первоначальной одежде противопоставляется мачехе, которая была «шадраа да чукыля сина, зато паськомыс вылас чего, сизьньовто пежьяло, бурысса-бур» (с рябыми и косыми глазами, зато одета с иголки, все на ней сверкает) [Климов 1990: 164]. Красота девушки отмечена и в сказке «Човтотовой дубаса ныв»: «нывка и чужомнас мича» (девушка и лицом красива) [Климов 1991: 237].

Кроме отличительных внешних признаков, падчерицы обладают устойчивыми чертами характера. Героиням в коми-пермяцких волшебных сказках характерно трудолюбие. В сказке «Жадно попадя» девушка работает не покладая рук: «Лун-лун нирта уджала» (День-деньской я корплю-тружусь) [Климов 1960: 150]. В сказке «Певрунь» еще живые родители радуются тому, что их дочь и умна, и трудолюбива: «сэтшом ни вежора да уджались» (Такая умная да работающая) [Климов 1990: 163]. В сказке «Човтотовой дубаса нывка» в начале повествования замечено, что девушка «и сёрнинас чож, и быдлаын вына-кодя» (и в разговоре быстра, и в работе сильна) [Климов 1991: 237].

Надо сказать, что образы и характеры сводных сестер в сказках не раскрываются. Отмечается лишь их неприязнь к падчерице. К примеру, в сказке «Певрунь» указано следующее: «Да и нылыс эз понды торны, косойезнас только видзотло Певруныс выло да се лосьотчо мыйон-нибудь нагорнитны» (Да и дочке тесно стало жить со сводной сестрой, только косо смотрит на нее и все хочет чем-нибудь насолить) [Климов 1990: 164].

Неприязнь к падчерице в волшебных сказках всегда показывает и мачеха. В сказке «Жадной попадья» еще в начале повествования подчеркивается, что «мачеха неродной нывсё стрась умёля видзас» (мачеха неродную дочь очень плохо держала) [Климов 1960: 150]. Или, например, в сказке «Чөвтөтовой дубаса ныв» падчерицу мачеха «абу пондёма радейтны» (не стала любить) [Климов 1991: 237]. Далее происходит уточнение действий мачехи. Девушка признается, что устала слушать ее брань: «Бырсяс мылаыс мачехаыслісь видчөм-ёрдчөмсö кывзыны» (Надоест ей выслушивать ругань мачехи) [Климов 1991: 237]. Как видим, внимание фокусируется на том, что мачеха плохо держала падчерицу: плохо одевала, плохо кормила, заставляла выполнять всю работу. В сказке «Певрунь» об этом специально не говорится, но враждебность к падчерице подчеркивается изначально: «Уна я, не я оласö, только мачехаыс оз понды любитны Певруньсö» (Долги ли, нет ли проживут, только мачеха не станет любить Певруню) [Климов 1990: 164].

После того, как читатель узнает об отношении мачехи к неродной дочери, в сказке появляется мотив отправки падчерицы. В волшебных сказках мачеха сама прогоняет падчерицу или просит мужа избавиться от дочери: «Вошты кытчөкө менам син одзись торк кудельтö» (Убери куда-нибудь с глаз моих свою дочь) [Климов 1990: 164]. Наиболее популярным, по мнению фольклористов, оказывается мотив отправки из дома в лес. Об этом свидетельствует и сказка «Певрунь». Мачеха два раза просит избавиться мужа от неродной дочери. Отец увозит дочь изначально не в лес, а в город. Путь в город пролегает через лес. Однако в лесу на их повозку нападают волки. Испугавшись волков, падчерица падает, а отец не замечает ее исчезновения. Падчерица оказывается в окружении волков. У героини помощник отсутствует, поэтому испытание преодолевается словом и красотой. В то же время падчерица, попадая в лес, ведет себя правильно (уважительно) с внезапно появившимся молодцем, за это получает богатые подарки, прежде всего, одежду. Фольклористы предполагают, что «богатство

молодой девушке необходимо только как приданое, а если учесть, что приданое копят и дают родители или опекуны, то получается, что и чудесный даритель выступает именно как опекун» [<http://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/TROFIM2.htm>]. Дарителем в коми-пермяцкой сказке становится молодец, могут быть даже олицетворенные силы природы.

В сказке «Жадной попадьи» ничего не сказано об отправке героини в лес или же в другое место, и мачеха не предпринимает никаких усилий для того, чтобы избавиться от нее. Тем не менее, падчерица обращается к месяцу и рассказывает ему о своей тяжелой жизни. Месяц помогает героине из сочувствия к ней. Он вмешивается в ход событий, чтобы вознаградить несправедливо обиженную: «... кӧть ме тӧнӧ жалейта. Босьт, мымда верман, менчим серебросӧ» (хоть я тебя пожалею. Возьми, сколько сможешь, моего серебра) [Климов 1960: 150]. В данной сказке падчерица тоже получает богатство, которое впоследствии становится ее приданым. Об этом указано в финале сказки: «Нывка петас жӧник сайӧ» (Девушка выйдет замуж) [Климов 1960: 151]. Однако стоит заметить, что падчерица, получив подарок от месяца, должна выполнить его условие: «А сы понда вежайӧ менӧ пуктан» (А за это крестным меня сделаешь) [Климов 1960: 150].

Олицетворенные силы природы помогают и девушке из сказки «Чӧвтӧтовӧй дубаса ныв». Дарителями становятся птицы. Узнав о нелегкой судьбе девушки, они преподносят ей подарки. Примечательно, что подарками также становится одежда (цвета солнышка платье, цвета месяца платье, цвета ясного неба платье). Одежда, как и в предыдущей сказке, оказывается приданым героини.

В сказках мачеха завидует падчерице и пытается тоже заполучить богатство. Интересным является тот факт, что мачеха, не смотря на все ее плохие качества, ни в одной сказке не пытается отнять полученное падчерицей добро. В одних случаях, первой за богатством направляется ее

дочь, а она следом за ней («Певрунь»); а в других случаях (при отсутствии дочери) она сама уходит за подарками («Жадной попадьей»). Мачеха или ее дочь при встрече с дарителем ведут себя иначе (с точностью до наоборот), чем падчерица, за это их наказывают. Наиболее ярко наказание представлено в сказке «Жадной попадьей». Попадья притворяется падчерицей и рассказывает месяцу о том, что выходит замуж, а денег не достаточно для приданого. Она не раз возвращается домой, чтобы наполнить ведра серебром. Месяц догадывается об обмане и навсегда оставляет ее в небе. В сказке «Певрунь» подробно не говорится о поведении мачехи и ее дочери в лесу, тем не менее, отмечается, что домой они не возвратились: «Ой чулаліс. Лун сибаліс, а нывка эз берт гортас»; (Ночь пройдет. День настанет, а девочка не вернулась домой), «Муніс иньыс да и ёнөдз сё ветлө» (Ушла жена, да и до сих пор где-то ходит) [Климов 1990: 150]. Однако имеется вариант сказки, когда мачеха, завидуя своей падчерице, отбирает у нее царские наряды. Так происходит в сказке «Чөвтөтовөй дубаса ныв».

Следует заметить, что очевидным является сходство коми-пермяцкой сказки «Певрунь» с русской волшебной сказкой «Морозко». В обеих сказках объектами презрения становятся падчерицы. Как в русской, так и в коми-пермяцкой волшебной сказке падчериц увозят в лес (в город). И в сказке «Певрунь», и в сказке «Морозко» их спасает чудесный человек. Он выступает спасителем и дарителем. В русской сказке молодежь дарит соболью шубу, золото, серебро, короб с богатыми подарками. В коми-пермяцкой сказке Певрунь получает полушубок, шаль и валенки. В обеих сказках зависть мачехи губит жизнь собственной дочери. Как в русской, так и в коми-пермяцкой волшебной сказке семья воссоединяется: отец с дочерью живут счастливо. Данные параллели позволяют говорить о том, что русская сказка имела влияние на коми-пермяцкую сказку, и поэтому сюжеты сказок оказались схожими.

Сходство с литературным произведением обнаруживает сказка «Чөвтөтовой дубаса ныв». Сюжет коми-пермяцкой сказки переплетается с сюжетом английской сказки «Золушка», написанной Шарлем Перро. Как в литературной сказке, так и в фольклорной падчерица не любила мачеха. Как в литературной сказке, так и в народной сказке появляются дарители. И Золушка, и коми-пермяцкая героиня были участницами бала. Обе героини в финале произведений находят свое счастье. Однако имеются и отличия. Например, в коми-пермяцкой сказке отсутствуют сводные сестры, меняются дарители, падчерица убегает из дома и начинает жить самостоятельно, узнавание героини происходит на балу и туфелька не становится главной приметой. На наш взгляд, здесь происходит структурное заимствование сюжета. Как утверждает О.Ю. Трыкова, заимствование является структурным в том случае, когда автор «(осознанно или неосознанно) применяет в своем произведении ту или иную структурную модель фольклора» [Трыкова 2010]. При структурном заимствовании связь с претекстом оказывается не таким явным и в его содержании наблюдается творческое переосмысление имеющегося источника.

Итак, наши наблюдения показали, что падчерица – это положительный персонаж сказки. При анализе ее образа исследовательское внимание фокусируется, прежде всего, на портрете, чертах ее характера, изучении дарителя, описании подарков и их роли. Во всех сказках представлена ее одежда, подчеркивающая обездоленность; красота, увиденная на контрасте одежды; трудолюбие, помогающее ей выжить. Нередко в изображении падчерицы применяется антитеза: героиня всегда противопоставлена сводной сестре. Она – скромная, благодарная, бескорыстная; мачехина дочь – грубая, ленивая. В коми-пермяцких сказках четко прослеживается преобразование героини после появления дарителя. Дарителями падчерицы выступают добрые молодцы и олицетворенные силы природы (месяц, птицы). Перед падчерицей не ставятся никакие задачи: ее вознаграждают как невинно

обиженную. Подарками падчерицы становится одежда, которая необходима ей только как приданое. Учитывая, что приданое копят и дают родители или опекуны, то становится понятным, что и чудесный даритель выступает именно как опекун.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. «НИЗКИЕ ГЕРОИ» КОМИ-ПЕРМЯЦКОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ

В четвертой главе рассматриваются образы «низких героев». Отмечается, что старухи являются эпизодическими героями, превращаются в «маленьких людей» или оказываются героями, наделенными магией. Выявляются основные функции мачехи в волшебной сказке.

4.1. Образ старухи в волшебных сказках

Многие коми-пермяцкие сказки обычно начинаются со слов: «Олёмась-вёлёмась пöрись гозья» (Жили-были старые люди) в сказке «Кам ордö била»; «Олёмась көркö старик да старуха» (Жили когда-то старик да старуха) в сказке «Иван Царевич»; «Олісö-вöлісö дед да баб» (Жили-были дед да баба) в сказке «Лёгостай». Как видим, образ старухи появляется в связке со стариком, поэтому анализируя данный образ, мы в некоторых случаях вынуждены обращаться и к образу старика.

Нередко в сказке представлен быт и занятия деда и бабушки: «Дедлön – нинкöм да сьöктан, а баблön – чöрс да печкан». (У деда – лапти да кочедык, а у бабы – веретено и прялка) в сказке «Лёгостай». Или, например, «Старик да старуха гор вылын рытйöны: старик нинкöм сьöкталö, старуха кудель печкö» (Старик со старухой на печке вечер проводят: старик лапти плетет, старуха пряжу прядет) в сказке «Лёнсювко» [Климов 1990: 178]. В сказке «Сёёвöй зон» (Глиняный сын) читаем: «Пукалöны öтпыр гöбеч дорын старик да старуха. Öтыс нинкöммез кыйö, а мöдыс печкö» (Сидят как-то около голбца старик со старухой. Один лапти плетет, а другая прядет) [Климов 1990: 177].

Старик со старухой оказываются либо бездетными, либо потерявшими своих детей. «Неутешные в горе старик и старуха», – характеризует их В.П. Аникин [Аникин 1977: 346]. Убедимся в этом. В сказке «Каб-Морт»

(Человек-Колодка) у героев нет детей: «Старик да старуха девяносто годдз олёмась, челядь нылён абу вёлёмась». (Старик со старухой до девяноста лет прожили, детей у них не было) [Климов 1990: 46]. Или в сказке «Иван Царевич» замечено: «Олёмась көркө старик да старуха. Олёмась дыр и кувны ни пондёмась лөсьөтчыны, а челядьыс абу вёлёмась» (Жили-были когда-то старик со старухой. Жили долго и помирать уже собрались, а детей не было) [Климов 1990: 80]. Еще в одной сказке «Сёевöй зон» также прослеживается отсутствие детей: «Олісö старик да старуха. Нылён челядьыс некин эзö вёлö» (Жили-были старик да старуха. У них детей не было) [Климов 1990: 178].

Отсутствие ребенка, толкает старика и старуху на то, что они придумывают себе визуальных детей. В некоторых сказках старуха просит своего мужа из имеющегося материала «изготовить» дитя: «Керин бы, старик, меным каб. Пукті бы сійö зыбкаö да дюттьötны понді, сё бы гажажык вöлі – бытьтö кагаöс гыччöта» (Сделал бы ты, старик, мне колодку. Положила бы ее в зыбку да качать стала, все бы веселее было – будто ребенка качаю) [Климов 1990: 55]. В сказке «Сёевöй зон» инициативу создания ребенка старик берет на себя: «Тöждісьöны нія челядьтöг, оз тöдö, кыздз мый керны. И вот старик лякис сёевöй аканьöс» (Горюют они без детей, не знают, как что делать. И вот старик слепил глиняную куклу) [Климов 1990: 177]. В других случаях, например, сказка «Лёнсювко», ребенок рождается случайно: «Ме – Лёнсювко, тэнат куделись уси» (Я – Лёнсювко, из твоей кудели выпал) [Климов 1990: 178]. Как видим, материал, из которого рождаются дети, разный, это и дерево, и глина, и лён. От материала зависит и имя ребенка: Каб-Морт, Сёевöй зон, Лёнсювко. Например, Каб-Морт был создан из колодки. Колодка – это приспособление для поддержания формы обуви в процессе ее изготовления, по форме напоминающее человеческую стопу. Сёевöй зон был получен из глины, напоминающей куклу. Лёнсювко родился из бабушкиной пряжи. В сказке «Иван царевич» старик смастерил ребенка из полена: «Босьтас кыззовöй

чурка да лосьяс учотик кагаокос» (Взял березовую чурку и настрогал маленького ребенка) [Климов 1990: 80].

По логике сказки визуальные дети оживают и приобретают человеческие черты. Так, например, в сказке «Каб морт» читаем: «Лун гыччотас, кыкко гыччотас – кабыс ловзяс, кагао порас и сейны пондас корны» (День качает, два качает – колодка оживет, в ребенка превратится и есть будет просить) [Климов 1990: 55]. В сказке «Сеевой зон» указывается: «Сувтотис это аканьсо западня выло, и вдруг аканьыс ловзис, лоис сеевой морток» (Поставил эту куклу на западне, и вдруг кукла ожила, стала глиняным человеком) [Климов 1990: 177]. В сказке «Иван царевич» старик со старухой замечают: «Вдруг кыззовой кагаок ловзяс и пондас минутаэзон быдмыны» (Вдруг березовый ребенок оживет и станет минутами расти) [Климов 1990: 80]. В сказке «Ленсювко» ребенок оживает и поет о себе песню.

В некоторых случаях старуха рождает детей в пожилом возрасте. Родить ребенка помогает ей магия. Например, в сказке «Рытко, Ойко да Асывко» чудо-напиток, созданный на основе кваса, сделал им путник, остановившийся переночевать в их доме: «Корёма шоньт ырощ, кисьтома сэтчо кытшомко зелле куим воть, удом сийо порись гозьяло» (Попросил теплый квас, налил туда какого-то зелья три капли, напоил им пожилую пару) [Климов 1990: 58]. Через некоторое время старуха родила троих сыновей. Рождение детей происходило чудесным образом, обусловленное временем: первого сына родила утром, второго – днем, а третьего – вечером. Имена детям дали по времени их появления на свет: Рытко – Зорька, Ойко – Вечерка и Асывко – Полуночка.

Как уже было замечено, имеются и такие сказки, в которых пожилые люди теряют своих детей, чаще всего дочерей. Например, в сказке «Гусьялом сойез» дочери были украдены медведем, вороном и луной. «Горзоны старик гозья – синныс оз косьмыв: отик неделяон куим ныв ошисо» (Плачут старик

со старухой – глаза не высыхают: за одну неделю трое дочерей пропали) [Климов 1990: 56]. Однако для всех все заканчивается благополучно. Старик со старухой находят своих дочерей, живущих в царских хоробах со своими мужьями, приезжают к ним в гости. В другой сказке «Куим сой» (Три сестры) старик и старуха также теряют дочерей. Только в данной сказке никто их не крадет, они сами становятся причиной гибели друг друга. В центре внимания оказываются нравственные поступки. Младшая дочь, как и следует в волшебной сказке, показана трудолюбивой, две старшие дочери – лентяйки. Старшие дочери убивают младшую сестру и забирают ее корзину. Однако младшая сестра оживает благодаря магии, а старшие сестры наказываются – превращаются в животных. Старик со старухой могут потерять и внуков. К примеру, в сказке «Ошвердас» (Медвежий выкормыш) старуха недоглядела за внуком в лесу: «Старуха зэгъяс-мунас ягöдавны внучекнас да öштас зонкасö» (Старуха пойдет в лес со своим внуком да потеряет мальчика) [Климов 1990: 140]. Мальчика украл медведь, домой он больше так и не вернулся.

В волшебных сказках старухи могут обладать магией. В результате чего они оказываются либо добрыми, либо злыми. Данная ситуация может обозначаться как оппозиция добрый / злой. «Старуха остается довольной и помогает тем, кто просит ее совета» [Аникин 1977: 387]. Если она добрая, то, как отмечает В.Я. Пропп, выполняет две функции: 1. спаситель (помощник). 2. добытчик. Рассмотрим их на конкретных примерах.

В сказке «Куим золотой юрситылоп» (Три золотых волоска) старуха является матерью злого черта. Функция спасителя выражается в том, что она пытается огородить гостя от своего сына. Для этого превращает прибывшего героя в ящерицу, чтобы легче его было спрятать. Как видим, старуха здесь представлена доброй помощницей: «Жаль тэ мэным, – шуас старуха и пöртас зонкасö кöдзылö да суйыштас сийö пиас» (Жалко мне тебя, – скажет старуха и превратит молодца в муравья да засунет его в свой карман) [Климов 1990:

53]. На наличие магии у старухи указывает тот факт, что она обладает способностью превращать людей в животных. Функция добыткича состоит в том, что она помогает доброму молодцу найти необходимую информацию для решения трудных задач. Содержание задач следующее: как избавиться девочке от болей в голове, почему высохли колодцы в деревне, и почему никто не заменяет на работе старика-переплавщика. Ответы на поставленные вопросы старуха узнает от своего сына и передает их доброму молодцу.

В сказке «Иван царевич» старуха выполняет функцию спасителя. О том, что она обладает магией, свидетельствует сравнение «ведьма кодь старуха» (старуха, похожая на ведьму). Магия позволяет ей помочь Ивану взобраться на высокую гору. Она превращается в большую лягушу и поднимает доброго молодца: «Ме тэно лэбта керёс вылас. А вөвтö коль татчö, – морт голосөн висьталас лягуша. Этö вöлöма старухаыс». (Я тебя подниму на гору. А коня своего тут оставь, – человеческим голосом скажет лягуша. Это была старуха) [Климов 1990: 81].

Однако не всегда старуха является спасителем и помощником. Она может и навредить, тем самым выполняет роль антагониста (вредителя). В сказке «Зонка – читкыля юр» (Мальчик – кудрявая голова) старуха показана преследовательницей. У нее крадут волшебный предмет – чесалку. Обнаружив пропажу, она пытается любыми способами догнать и отомстить своему врагу. Во-первых, она делает петлю с помощью своей косы и бросает на дорогу. В это время перед мужиком образуется большое море, которое он преодолевает с помощью оленя. Во-вторых, старуха завязывает узел на своей второй косе. Тогда перед героем возникает речка, преодолеть которую помогает волк. Волшебное свойство косы, принадлежащей старухе, возникает и в сказке «Лёгостай». Герой отрезает ее у старухи. Однако преследование в данной сказке отсутствует. В дальнейшем коса становится волшебным предметом, с помощью которого Лёгостай преодолевает препятствия: тушит пылающий лес.

Итак, в коми-пермяцких волшебных сказках старухи являются эпизодическими героями, превращаются в «маленьких людей» или оказываются героями, наделенными магией. Как маленькие люди, они характеризуются через наличие или отсутствие детей в их семье. Известно, что недостача в сказке всегда ликвидируется. Поэтому старухи тоже пытаются завести детей любыми способами: ребенок может быть создан из подручных средств (дерево, глина), рожден при помощи магии. В том случае, когда старуха причисляется к волшебным героям, она раскрывается через оппозицию добрый / злой, через функции спаситель и добытчик информации, а также вредитель. Стоит заметить, что в коми-пермяцких сказках старуха, прежде всего, помощница, способная превращаться и превращать других героев в животных.

4.2. Образ мачехи в волшебных сказках

Наиболее подробно образ мачехи рассмотрен в монографии Е.М. Мелетинского «Герой волшебной сказки». Автор работы отмечает, что «мачеха в сказке обижает свою падчерицу, выгоняет или отправляет в лес к медведю или Морозке, чтобы ее погубить. Очень часто прибегает к колдовству, преследуя пасынков. Мачеха в сказке может изображаться колдуньей, очень часто наделена чертами ведьмы. В ее функции входит задавание трудных задач, которые должны погубить героя» [Мелетинский 1958: 277]. В.В. Шуклин замечает следующее: «Зловредность мачехи в волшебных сказках усугубляется ее связью с вредоносной силой, с Бабой Ягой. Мачеха сама может превратиться в ведьму или колдунью, но скрывает эту способность от людей и даже от мужа. Поражение (смерть) мачехи, пересечение ее козней означают восстановление идеалов родовой жизни, а в сказках – победу добра над злом» [Шуклин 2001: 211].

По В.Я. Проппу у данной героини вычерчиваются следующие функции: «Антагонисту выдаются сведения о его жертве» [Пропп 2001: 30]; «Антагонист пытается обмануть свою жертву, чтобы овладеть ею или ее имуществом» [Пропп 2001: 41]; «Антагонист наносит одному из членов семьи вред или ущерб» [Пропп 2001: 57]; «Беда или недостача сообщается, к герою обращаются с просьбой или приказанием отсылают или отпускают его» [Пропп 2001: 69]; «Враг наказывается» [Пропп 2001: 83]. Рассмотрим эти и другие характеристики мачехи в коми-пермяцких волшебных сказках.

В коми-пермяцких сказках образ мачехи не популярен. Она встречается в пяти сказках: «Певрунь», «Жадной попадьи», «Легонтай, Легонтай», «Марфида Прекрасная» и «Чөвтөтовой дубаса ныв».

Некоторые особенности образа мачехи в коми-пермяцких сказках нами уже были рассмотрены в параграфе, посвященной падчерице. Напомним их: жадность и зловредность мачехи, ее функция антагониста, наносящего вред одному из членов семьи. Здесь подробнее остановимся на анализе сказки «Легонтай, Легонтай» и попытаемся выявить другие приметы мачехи, в частности, ее связь с колдовством.

В данной сказке, как уже и в рассмотренных сказках, мачеха любыми способами пытается избавиться от пасынков. Известно, что наиболее популярным оказывается мотив отправки героев в лес. Однако если падчериц в лес увозит муж, то в сказке «Легонтай, легонтай» мачеха сама отправляется в указанное пространство. При этом мотив отправки изначально связан с бытом героев: они изготавливали сено на зиму. После того, как герои оказывались в лесу, мачеха применяла магию, о которой не знал никто, даже ее муж. Прежде всего, она пыталась обмануть свою жертву. Обман проявлялся в просьбе: «Видзёт жё, зонка, бадь йылас листыс кытшём зеленой! Кайлін бы да судзётін, а ме бы сэтись аслыт йөрнös вури» (Посмотри же, мальчик, на верхушке дерева лист какой зеленый! Поднялся бы да достал, а я бы из этого тебе рубашку сшила) [Климов 1990: 162]. Как

только просьба была выполнена, мачеха использовала колдовство – превращала детей в деревья: березу, иву и осину. Как видим, антагонист наносит одному из членов семьи (в данном случае мужу) вред. В финале сказки происходит обличение антагониста. Муж замечает, что деревья разговаривают. Он догадывается, что его жена ведьма, решает жестоко ее наказать: «...додь бѳрас гезѳн кѳрталас да быдѳс деревняэсѳ гѳгѳртас: видзѳтѳ пѳ, отир, кин зоннзѳс вийис. Сэссия чапкас кырасѳ» (к саням веревкой привяжет и все деревни обойдет: смотрите, говорит, люди, кто сыноуей моих убил. Потом бросит в канаву) [Климов 1990: 163].

В сказке «Марфида Прекрасной» круг функций мачехи ограничивается. Интересным представляется то, что она пытается избавиться не от пасынка, а от его жены. Она представлена зловредной, пытающейся убить Марфиду. Для убийства Марфиды героиня применяет колдовство – превращает домашних животных в диких, способных лишить невестку жизни. Мачеха заменяет мать Ивана. Как известно, родителя часто задают трудные задачи своим детям. В данной сказке мачеха, выступая в роли матери, задает трудные задачи Марфиде: просит подоить корову, которая должна превратиться в волка; наказывает постричь овцу, которая должна впоследствии стать медведем; просит принести веретено от кумы, являющейся колдуньей. Однако Марфида выполняет все ее задачи (подробнее об этом см. главу первую). О наказании мачехи в данной сказке речь не идет.

Таким образом, в коми-пермяцких волшебных сказках мачеха имеет только отрицательные черты. Она показана жадной, злой, корыстной, себялюбивой, обладающей сверхъестественными силами. Она прямо противопоставляется падчерице не только по внешним признакам (красота), но и по внутренним качествам. Мачеха в сказке выполняет роль антагониста. Как и любой другой вредитель, она наказывается в финале сказки.

Методические рекомендации по использованию материалов

Коми-пермяцкие сказки в национальной школе изучаются в пятом классе. Дети знакомятся с такими сказками, как «Лёгостай», «Идзаско», «Куим золотой юрситылöp», «Бöб зонпиян» (Язьвинская сказка). В одном из заданий детям предлагается прочитать сказки из сборника В.В. Климова «Оласö да вöласö». В качестве заданий к новым прочитанным сказкам, а также для понимания особенностей построения сказки мы предлагаем задания на материале нашей работы. Данные вопросы можно использовать как на вводном уроке, посвященном коми-пермяцким сказкам, так и на уроках детального анализа произведений устного народного творчества. Некоторые сказки, рассмотренные нами, можно предложить для домашнего чтения с целью расширения знаний учащихся, например, «Чöвтöтовöй дубаса ныв», «Певрунь», «Кам ордö била» и др.

Вопросы и задания:

1. Лыддьöтö текст.

В сказке «Певрунь» отмечается изношенность одежды: «Зипунок да шабурокуыс эд оз ни унасö шонт» [Климов 1990: 164]. Подчеркивается ее красота: «бытшöм да рам» (красивая и хорошая). Заметим, что Певрунь по своей красоте и первоначальной одежде противопоставляется мачехе, которая была «шадраа да чукуля сина, зато паськöмыс вылас чегö, сизьньöвтö пежьялö» [Климов 1990: 164].

- Мый сэтшöм зипун, шабур?

- Вежöртöтö выраженнё «шадраа да чукуля сина», «паськöмыс вылас чегö»?

- Лöсьöтö серпас, кöда вылын мыччалö мачехаöс да падчерицаöс.

2. Лыддьöтö сетöм текст.

Идол просит Ивана царевича отдать волшебные предметы, имеющиеся у него: чышкöt (полотенце), пызандöра (скатерть), жбан (кадуля). Иван

царевич похищает невесту, но Идол их догоняет и обратно возвращает царевну. Герой обращается за помощью к Бабе-Яге. Она здесь выступает дарительницей. Баба-Яга испытывает героя. Иван царевич выдерживает испытание и получает коня, на котором спасает Красну-девицу от Идола. Однако в дороге они подвергаются преследованию. Примечательно, что в данной сказке Красная-девица берет также функцию помощника: именно она «ставит преследователю препятствия». Царевна бросает зу (чесалку) и вырастает лес, оставляет матег (мыло) на дороге и образуется море. В этом море погибает ложный герой: «Идоллөн мореас пондас быдӧс торйын уявны: и юр, и коккез, и киэз» [Климов 1960: 117].

- Висьталӧ, кытшӧм предметтэз йылись мунӧ сёрни?

- Вайӧтӧ примеррез лыддьӧтӧм сказкаэзись.

- Уськӧтӧ тӧдвылӧ роч сказкаэзись волшебнӧй предметтэз. Пондылӧ сравнитны нійӧ.

- Лӧсьӧтӧ исследовательскӧй удж тема вылӧ «Волшебнӧй предметтэз коми-пермяцкӧй сказкаэзын: нылӧн роль».

3. Сказкаись «Лёгостай» В.Я. Пропп классификация сьӧрти торйӧтӧ геройезӧс да висьтасьӧ ны йылись.

1. Вредитель;

2. Даритель;

3. Помощник;

4. Царица;

5. Отправитель;

6. Герой;

7. Ложный герой.

4. Сетӧм функция дынӧ адззӧ лыддьӧтӧм сказкаэзись примеррез.

Вежӧртӧтӧ ассиныт думанытӧ.

Следующая интересная функция – клеймение. По мнению исследователя В.Я. Проппа, клеймение происходит в том случае, когда «на героя налагается некая отметка, некое клеймо, причем клеймо это может быть кровавым, с помощью которого герой узнается по рубцу. Иногда этот мотив подвергается деформации». Обнаруживаются и другие способы «отметки» героя, к примеру, отрезание пряди волос, слеза, упавшая на героя, подаренное кольцо и т.д. Клеймение всегда связано с последующим узнаванием доброго молодца [Пропп 1986: 238].

5. Лыддьӧтӧ сетӧм текст.

Следует заметить, что очевидным является сходство коми-пермяцкой сказки «Певрунь» с русской волшебной сказкой «Морозко». В обеих сказках объектами презрения становятся падчерицы. Как в русской, так и в коми-пермяцкой волшебной сказке падчериц увозят в лес (в город). И в сказке «Певрунь», и в сказке «Морозко» их спасает чудесный человек. Он выступает спасителем и дарителем. В русской сказке молодец дарит соболью шубу, золото, серебро, короб с богатыми подарками. В коми-пермяцкой сказке Певрунь получает полушубок, шаль и валенки. В обеих сказках зависть мачехи губит жизнь собственной дочери. Как в русской, так и в коми-пермяцкой волшебной сказке семья воссоединяется: отец с дочерью живут счастливо.

- Мый йылісь текст?

- Кытшӧм сылӧн медшӧр дума?

- Лӧсьӧтӧ исследовательскӧй удж «Йитӧттӧз коми-пермяцкӧй да роч сказкаӧз коласын».

6. Сетӧм отрывок отсӧтӧн висьтасьӧ, кызд вермӧны чужӧны челядь сказкаӧзын. Вайӧтӧ ассиныт примеррез.

Отсутствие ребенка, толкает старика и старуху на то, что они придумывают себе визуальных детей. В некоторых сказках старуха просит своего мужа из имеющегося материала «изготовить» дитя: «Керин бы, старик, меным каб. Пукті бы сійö зыбкаö да дюттьötны понді, сё бы гажажык вöлі – бытьтö кагаöс гычöта». [Климов 1990: 55]. В сказке «Сёёвöй зон» инициативу создания ребенка старик берет на себя: «Тöждісьöны нія челядьтöг, оз тöдö, кыз мый керны. И вот старик лякис сёёвöй аканьöс» [Климов 1990: 177]. В других случаях, например, сказка «Лёнсювко», ребенок рождается случайно: «Ме – Лёнсювко, тэнат куделись уси» [Климов 1990: 178].

7. Удж параэзын. Представитö, что тійö нуötат функция дарительлісь. Висьтасьö öтамöдлö, мый бы козьналіт пантасьöм геройлö. Предположитö, кöр герой вермас использоватьны волшебнöй предметтэз?

Предложенные упражнения имеют творческий характер, представлены задания для выполнения исследовательских работ. Часть вопросов позволит расширить и обогатить словарный запас учащихся. Имеются задания, направленные на сопоставительный анализ образов коми-пермяцких и русских сказок.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наблюдения над женскими образами коми-пермяцкой волшебной сказки показали, что они представляют собой «внутренне статичные образы-типы», полностью зависящие от своей сюжетной роли (роли невесты, ребенка, старухи, мачехи), характеризующиеся внешней детализацией, обусловленной происхождением, сословным и имущественным положением; обладающие специфической социовозрастной характеристикой, вследствие чего располагающие ограниченным спектром функций, свойственных сказочному герою; имеющие типологические разновидности в соответствии, с конкретным содержанием сюжетов. Оформить представления о роли и действиях женских героев в сказке нам помогли представления известных фольклористов (В.Я. Проппа, М.Е. Мелетинского и др.) о выявлении постоянных элементов (инвариантов), наличествующих в волшебной сказке, не исчезающих из поля зрения при переходе от сюжета к сюжету. Такими постоянными элементами становятся функции сказочных персонажей. Речь идет об описании персонажей волшебной сказки в виде «пучков функций», выделении среди этих признаков величин постоянных и величин переменных, а также правил их комбинирования. Данное утверждение в настоящей работе оказывается определяющим и при создании классификации, и при анализе героев.

В зависимости от роли (статуса) героя (социальной, индивидуальной) и от выполняемых им действий (функций), нами были выделены такие типы героя: невеста (Красная девица, Марфида Прекрасная, Мария-царевна), дети (подростки, сироты), старухи (мачеха). Классификация женских образов коми-пермяцкой волшебной сказки может выглядеть следующим образом: «Прекрасные и премудрые» (в роли невесты Красна-девица, Марфида Прекрасная, Мария царевна); Детские женские образы (роль сироты, роль падчерицы); «Низкие герои» (роль мачехи, роль старухи).

Анализ «прекрасных и премудрых» героев показал, что в коми-пермяцких волшебных сказках одной из постоянных характеристик невесты становится имя. Заметим, что этимология женских имен восходит еще к глубокой древности, к тому времени, когда прозвища, получаемые людьми, соответствовали каким-либо особенностям человека: внешний облик или род занятий, характер, позволяющие выделить отличительные черты персонажа. Отличительной чертой невесты становится ее красота. Данная характеристика подчеркивается с помощью таких имен, как Красной девица в которой лексема "красный" совмещает в себе как первоначальное свое значение (хороша, красива), так и другое значение (красная, т.е. румяная в лице, а значит здоровая и красивая), а также имеются варианты данного имени на коми-пермяцком языке (Мича ныв, Басок ныв), что в переводе с языка оригинала означает «красивая девушка». Примечательно, что «прекрасными и премудрыми» являются также Мария-царевна и Марфида Прекрасная. Имя Марфиды Прекрасной не является популярным в коми-пермяцких сказках. Из всех сборников нами была обнаружена лишь одна сказка с одноименным названием. Данный персонаж также можно отнести к типу царевны (невесты). Марфида Прекрасная имеет сходные черты с Красной девицей. Об этом свидетельствует и эпитет «прекрасная», который также подчеркивает неземную красоту девушки. Указанные героини определяются, прежде всего, тем, что представляют собой тип героини (а не характер), которая несет в себе важное качество, определяющее ее образ.

«Постоянными», «повторяющимися» функциями царевны в коми-пермяцкой волшебной сказке являются «задавание трудных задач, клеймение, обличение, узнавание, наказание второго вредителя, свадьба». «Задавание трудных задач» происходит в разной форме:

1) Это может быть «всенародный клич» («Рытко, Ойко да Асырко», «Солдат Иван да царевна», «Иванушка»). Указанная задача чаще всего появляется в начале сказки и задается родителями похищенных дочерей.

Содержание задачи состоит в том, чтобы вернуть царевну домой, а за ее освобождение герою предлагается полцарства и замужество с ней. Похитителем царевны выступает змей, которого герой должен убить. Следует заметить, что героиня в коми-пермяцких волшебных сказках всегда активно участвует в своем освобождении. Так, невесты не раз спасают героя, помогают ему убить вредителя, выступают дарительницами волшебных предметов. Нередко сами превращаются в птиц (белый лебедь), чтобы убить вредителя, например, в сказке «Иванушка». Надо сказать, что мотив оборотничества достаточно архаичен. Царевны принимают облик какого-либо животного, что свидетельствует о наличии в них фантастической силы. В этих случаях можно говорить о проявлениях тотемизма, поскольку связь с тотемным предком и может служить источником магической силы, а способность принимать любые облики – проявлением этой силы. Здесь мы солидарны с мнением Н.В. Новикова, «героиня не только не уступает главному герою, но иногда и превосходит его» [Новиков 1974: 245]. Поэтому в сказках, имеющих задачу «всенародный клич», всегда появляется еще одна задача «в ответ на сватовство», которую предлагает решить герою сама невеста. Сказкам «Рытко, Ойко да Асырко», «Солдат Иван да царевна» противопоставляется сказка «Иванушка». В ней “всенародный клич” задается царевной (как впоследствии оказывается ложной) и содержание кардинально отличается от предыдущих: герой должен обладать отличительной чертой (даже не силой, которая требуется в волшебной сказке), а богатством.

2) Это могут быть «задачи в ответ на сватовство» («Рытко, Ойко да Асырко», «Солдат Иван да царевна», «Царь Адмон, сылон зон да орел – золотый борд», «Шыр да кеня»). Как уже было замечено, они задаются царевнами после того, как герой их смог вывести из иного мира. Прежде всего, они направлены на то, чтобы проверить, обладает ли герой магией, может ли управлять (говорить) с природой. Героини коми-пермяцких волшебных сказок предлагают им построить золотой дворец и мост, насадить

сад и вырыть реку, сшить прекрасные платья. Примечательно, что такие задачи могут быть поставлены и враждебным отцом (или ложным героем), например, в сказке «Шыр да кеня», «Иван Царевич да Красный девица».

3) Довольно редко встречаются «задачи бежавшей и вновь найденной царевны». Нами была обнаружена всего одна сказка «Гона да Омека», в которой царевна не желает выходить замуж и всячески пытается остановить этот процесс. Содержание задачи состоит в том, чтобы герой вернулся в ее царство и достал коня с каретой.

Другая функция невесты – «клеймение» героя, которое в коми-пермяцких волшебных сказках чаще всего происходит с помощью золотого кольца, подаренного царевной жениху за ее спасение. «Узнавание», как правило, связывается с обличением ложного героя. Это действие в коми-пермяцких волшебных сказках наблюдается в финале именно тогда, когда героиню заставляют выйти замуж за ложного героя. Однако золотое кольцо помогает выявить настоящего спасителя и наказать вредителя. Ими выступают Керцспыкцт – хранитель входа в подземное царство; Идол – мифический персонаж; великан и колдун. Наказание происходит в форме изгнания героя из царства, смерти героя в результате борьбы или погони, когда волшебные предметы уничтожают их.

Если тип царевны (в роли невесты) оказывается наиболее популярным в коми-пермяцких волшебных сказках, то другие два типа (дети, старухи) оказываются на периферии. При анализе сиротки было выявлено всего три сказки, в которых фигурирует данный герой: «Кам ордё била», «Татьянушка и братец Иванушка» и «Чөвтөтовой дубаса ныв». Нам становится известным, что уже с детства она остается без матери и без отца, что девочка-сирота всегда имеет младших братьев, что она заменяет им мать, выполняя функции защитника и помощника. Интересным представляется в сказках преодоление препятствий. В критической ситуации сиротка применяет «ритуальный обман», который позволяет ей и ее брату остаться живыми и невредимыми. В

беде сиротке помогают олицетворенные силы природы, предоставляющие волшебные предметы. Следует заметить, что для получения волшебных предметов девочка не выполняет никаких указаний. В таких эпизодах могущественные силы помогают обездоленному из сочувствия к нему. Они вмешиваются в ход событий, чтобы вознаградить несправедливо обиженных. Сироты совершают подвиги обычно при участии чудесных помощников, иногда побеждают врагов хитростью.

Крайне редко в коми-пермяцких сказках встречается образ падчерицы. Нами было проанализировано три сказки: «Певрунь», «Чөвтөтовöй дубасаныв» и «Жаднöй попадьа». Наблюдения над данными сказками показали, что падчерица – это положительный персонаж сказки. При анализе ее образа исследовательское внимание фокусируется, прежде всего, на портрете, чертах ее характера, изучении дарителя, описании подарков и их роли. Во всех сказках представлена ее одежда, подчеркивающая обездоленность; красота, увиденная на контрасте одежды; трудолюбие, помогающее ей выжить. Нередко в изображении падчерицы применяется антитеза: героиня всегда противопоставлена сводной сестре. Она – скромная, благодарная, бескорыстная; мачехина дочь – грубая, ленивая. В коми-пермяцких сказках четко прослеживается преобразование героини после появления дарителя. Дарителями падчерицы выступают добрые молодцы и олицетворенные силы природы (месяц, птицы). Перед падчерицей не ставятся никакие задачи: ее вознаграждают как невинно обиженную. Подарками падчерицы становятся одежда, которая необходима ей только как приданое. Учитывая, что приданое копят и дают родители или опекуны, то становится понятным, что и чудесный даритель выступает именно как опекун.

Тип старухи и мачехи в волшебных сказках также оказывается немногочисленным. Старухи являются эпизодическими персонажами, превращаются в «маленьких людей» или оказываются героями, наделенными магией. Как маленькие люди, они характеризуются через наличие или

отсутствие детей в их семье. Известно, что недостача в сказке всегда ликвидируется. Поэтому старухи тоже пытаются завести детей любыми способами: ребенок может быть создан из подручных средств (дерево, глина), рожден при помощи магии. В том случае, когда старуха причисляется к волшебным героям, она раскрывается через оппозицию добрый / злой, через функции спаситель и добытчик информации, а также вредитель. Стоит заметить, что в коми-пермяцких сказках старуха, прежде всего, помощница, способная превращаться и превращать других героев в животных.

В коми-пермяцких волшебных сказках мачеха имеет только отрицательные черты. Она показана жадной, злой, корыстной, себялюбивой, обладающей сверхъестественными силами. Она прямо противопоставляется падчерице не только по внешним признакам (красота), но и по внутренним качествам. Мачеха в сказке выполняет роль антагониста. Как и любой другой вредитель, она наказывается в финале сказки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азадовский М.К. Русская сказка. Избранные мастера / ред. и комм. Л.: Academia, 1932. 2 т. 411 с.
2. Аникин В.П. Теория фольклора: курс лекций. М.: КДУ, 2007. 432 с.
3. Аникин В.П. Русская народная сказка. М.: Просвещение, 1977. 208 с.
4. Аникин В.П. Сказки русских писателей. М.: Просвещение, 1985. 290 с.
5. Афанасьев А.Н. Народ-художник. М.: Советская Россия, 1986. 420 с.
6. Баталова Р.М., Кривошекова-Гантман А.С. Коми-пермяцко-русский словарь. М.: Русский язык, 1985. 621 с.
7. Болотова Л.Ю. Особенности женских образов в русской народной сказке. 2009. [http://folk.phil.vsu.ru/publ/sborniki/nasled_afanasiev2003/bolotova.pdf] (дата обращения: 21.02.2017).
8. Ведерникова Н.М. Русская народная сказка. М.: Наука, 1975. 135 с.
9. Гришина И.И. Знаковая природа имени собственного в авторской волшебной сказке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. № 1 (8). С. 61–63.
10. Российский гуманитарный энциклопедический словарь: В 3 т. Гл. ред. П.А. Клубков., рук. проекта С.И. Богданов. СПбГу: ВЛАДОС [<http://www.encyclopedia.ru/cat/online/detail/38226/>] (дата обращения: 12.06.15).
11. Девницкая Е.Н. Символика красного цвета в русском и немецком сказочном фольклоре // Вестник Адыгейского Государственного

Университета, серия 2: Филология и искусствоведение. 2013. №1 (114).
[<https://elibrary.ru/item.asp?id=19092508>] (дата обращения: 12.05.17).

12. Дяловская Н. Прекрасные и премудрые. 2012.
[<http://www.litcetera.net/>] (дата обращения: 5.03.2017).

13. Зубов А.Н. Сказкиэз. Кудымкар, 1935. 41 с.

14. Зуева Т.В. Волшебная сказка. М.: Прометей, 1993. 240 с.

15. Зуева Т.В. Восточнославянские волшебные сказки, для учащихся средних и старших классов. М.: Roza-Rossa, 1992. 447 с.

16. Зуева Т.В., Кирдан Б.П. Русский фольклор: Учебник для высших учебных заведений. М.: Флинта: Наука, 1998. 400 с.

17. Климов В.В. Заветный клад: избранная коми-пермяцкая народная проза и поэзия; 2-е издание. Кудымкар, Коми-Перм. кн. изд-во, 2007. 392 с.

18. Климов В.В. Золотой чикиссез: Коми-пермяцкие народные сказки на рус. и коми-перм. яз. Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 1993. 184 с.

19. Климов В.В. Коми-пермяцкой устной поэтической творчество. Кудымкар, 1960. 226 с.

20. Климов В.В. Кытчö тийö мунатö? Кудымкар: Перм. кн. изд-во, Коми-Перм. отд-ие, 1991. 285 с.

21. Климов В.В. Оласö да вöласö. Кудымкар: Пермской книжной изд-во, Коми-Перм. отд., 1990. 365 с.

22. Климов В.В. Ошпель. Пермь: Пермское книжное издательство, 1960. 69 с.

23. Климов В.В. Сизимок. Кудымкар: Кудымкарское книжное издательство, 1965. 64 с.

24. Климов В.В. Юкмöсын тэсь. Пермь: Пермское книжное издательство, 1976. 128 с.

25. Кочарян А.С., Фролова Е.В. Образ женщины в русских сказках // Гуманитарный Часопис. № 1. 2004. [studydoc.ru. kocharyan, frolova. Obraz zhenshhiny v russkih skazkah] (дата обращения: 23.09.14).

26. Кравцов. Н.И. Сказка как фольклорный жанр. Специфика фольклорных жанров. М.: Наука, 1973. С. 68–84.
27. Ледовская И.В. Детские образы-типы в русских волшебных и новеллистических сказках // Филологические науки. Литературоведение. Фольклористика. М., 2008. С. 238–239.
28. Ленц Ф. Образный язык народных сказок. 2-е издание. М.: evidents, 1999. 328 с.
29. Мелетинский Е.М. Герой волшебной сказки. М.: Изд-во восточной лит, 1958. 264 с.
30. Мелетинский Е.М. О литературных архетипах. М.: РГГУ, 1994. 136 с.
31. Мелетинский Е.М. Структурно-типологическое изучение сказки. М., 1969. 166 с.
32. Мелетинский. Е.М. Миф и сказка // Этнография и фольклор. М.: Наука, 1970. С. 132–149.
33. Неклюдов С.Ю. Традиция – текст – фольклор, типология и семиотика / отв. ред. серии С.Ю. Неклюдов. М.: РГГУ, 2011. 234 с.
34. Новик Е.С. Система персонажей русской волшебной сказки // Типологические исследования по фольклору: сб. ст. памяти Проппа В.Я. М.: Просвещение, 1975. С. 214–246.
35. Новиков Н.В. Образы восточнославянской волшебной сказки. Л.: Наука, 1974. 255 с.
36. Ожегова М.Н. Шонді да төлісь: Коми-пермяцкие народные сказки на рус. и коми-перм. яз. Кудымкар: Пермское кн. изд-во, Коми-Перм. отд., 1989. 256 с.
37. Ожегова М.Н. Устное-поэтическое творчество коми-пермяцкого народа. Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 1961. 115 с.
38. Померанцева Э.В. Русская народная сказка М.: АН СССР, 1963. 128 с.

39. Попова О.А. Коми-пермяцкий фразеологический словарь / Труды института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. В. VII. Пермь: ПГПУ, 2010. 540 с.
40. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М.: Наука, 1969. 168 с.
41. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М.: Наука, 2001. 200 с.
42. Пропп В.Я. Фольклор и действительность. М.: Русская литература, 1963. 65 с.
43. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: ЛГУ, 1986. 367 с.
44. Пропп В.Я. Русская сказка. Л.: Русская литература, 1984. 335 с.
45. Путилов В.Н. Методологические вопросы сравнительно-исторического изучения фольклора. Л.: Наука, 1976. 242 с.
46. Пушкин А.С. Сказка о Царе-Салтане. М.: РОСМЭН, 2012. 62 с.
47. Рогов Н.А. Опыт грамматики коми-пермяцкого языка. СПб.: 1869. 166 с.
48. Спорова А.М., Распопова З.В., Лунегов И.И. Сказкаэз. Кудымкар: КОМИПЕРМГИЗ, 1947. 122 с.
49. Сторожев Т.В. Коми-пермяцкий фольклор (дореволюционный и советский). Кудымкар: КОМИПЕРМГИЗ, 1948. 111 с.
50. Толстая С.М. Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н.И. Толстого. Т. 3. М.: 2004. [http://es-dejavu.ru/f/Fraud_Slavs.html] (дата обращения: 12.05.17).
51. Трыкова О.Ю. О классификации способов взаимодействия русской литературы 20-го века с фольклором. М.: Научный диалог. 2010. [<http://globuss24.ru/doc/o-klassifikacii-sposobov-vzaimodeistvia-russkoi-literatury-hh-v-s-folklorom>] (дата обращения: 22.04.15).

52. Фольклор народа коми: Предания, сказки. Т. 1. Архоблгиз, 1938. 130 с.
53. Форум года. Персонажи русской морфологии (от А до Я). 2012. [<https://sites.google.com>] (дата обращения: 2.03.2017).
54. Худяков И.А. Великорусские сказки. М.: Типография В. Грачева, 1860. 158 с.
55. Хрестоматия школьника. Русские народные сказки. М.: АСТРЕЛЬ, 2002. 173 с.
56. Хэмлет Т.Ю. Описание сказочного сюжета. Чудесные дети в международных, национальных и региональных указателях сказочных сюжетов: сравнительный анализ // Научный диалог. 2014. № 4 (28). Филология. С. 61–75.
57. Шапарова Н.С. Краткая энциклопедия славянской мифологии: Ок. 1000 статей / Н.С. Шапарова. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Русские словари», 2003. 624 с.
58. Шуклин В. Русский мифологический словарь. Екатеринбург: Уральское, 2001. 302 с.
59. Эстес К.П. Бегущая с волками. Женский архетип в мифах и сказаниях. М.: ИД «Гелиос», 2002. 535 с.
60. Шувалова Е.М. Марфида Прекрасная [<http://www.proza.ru/2015/12/06/90>] (дата обращения: 4.03.17).
61. [<http://www.pseudology.org/Crim/Daktiloscopy.htm>] (дата обращения: 16.10.16).
62. [<http://onwomen.ru/znachenie-imeni-elizaveta.html>] (дата обращения: 13.05.16). . [<http://www.pseudology.org/Crim/Daktiloscopy.htm>] (дата обращения: 5.03.16).
63. [<http://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/TROFIM2.htm>] (дата обращения: 11.12.16).